

РУССКИЕ ЗВЕЗДЫ

Вадим Проскурин

ХОББИТ,
КОТОРЫЙ ПОЗНАЛ
ИСТИНУ

ЭКСМО

Вадим Геннадьевич Проскурин
Хоббит, который познал истину
Серия «Сага о Хоббите», книга 3

OCR BiblioNet <http://book.pp.ru>

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119806

*Вадим Проскурин. Хоббит, который познал истину: Армада, Альфа-книга; Москва; 2002
ISBN 5-93556-261-8*

Аннотация

Хэмфаст, сын Долгаста из рода Брендибэк, Шестой Герой Хоббитании, тот самый хоббит, который Слишком Много Знал, наконец-то познал Истину. Его родное Средиземье – один из множества миров, расположенных в Междусетье, и все эти миры смертны, и что еще хуже – внезапно смертны. Чтобы спасти Средиземье, Хэмфаст и его друзья должны проникнуть в мир, называемый Реальным. Задача не из простых, но разве это может остановить Героя?

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	126
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Вадим ПРОСКУРИН ХОББИТ, КОТОРЫЙ ПОЗНАЛ ИСТИНУ (Сага о Хоббите #2)

Глава первая ИСТИНА

1

Миры бывают разные, и каждый из них по-своему уникален.

Большинство миров лишены материальной составляющей и не содержат ничего, кроме пространства, времени, да еще сущностей, беспорядочно разбросанных в пространстве, и сущности эти чаще всего неизменны, хотя в некоторых случаях и меняются со временем. Сущности бывают самыми разнообразными и в большинстве своем практически не поддаются описанию, потому я и называю их сущностями, что не могу подобрать другого, более емкого, слова.

Некоторые из сущностей похожи на нематериальные книги на неизвестном языке, они явно содержат какие-то знания, но эти знания остаются скрытыми от меня. Иногда в сущностях-книгах попадаются понятные мне слова, разделенные хаотичными сочетаниями совершенно незнакомых рун. Способ... подготовить... способ... выбрать... кто знает, что это может означать?

Уриэль считает, что эти сущности сродни заклинаниям высшей магии. Что-то общее действительно есть, язык высшей магии так же жестко структурирован, и фразы, образованные с его помощью, совершенно не предназначаются для произнесения вслух и в большинстве случаев вообще не могут быть адекватно воспроизведены звуковой речью. Может, Уриэль и прав, но почему тогда большинство книжных сущностей очень коротки, гораздо короче, чем любое осмысленное заклинание? А те сущности, которые, напротив, очень длинны, не содержат в себе ничего похожего на ветви и петли, неизбежно присутствующие в любом большом заклинании. И ни одного обращения к элементам! Нет, это совсем не похоже на заклинания высшей магии, но что это тогда может быть?

Другие сущности отдаленно напоминают заклинания на языке первооснов, но в них тоже не всегда присутствуют обязательные элементы подобных заклинаний. Часто встречаются сущности, совершенно лишенные связей с элементами. Зачем, спрашивается, нужно составлять заклина-

ние, неспособное изменить мир, в котором оно реализовано? Олорин как-то высказался, что эти сущности могли сформироваться сами по себе от случайных флуктуаций пространства, но даже мне ясно, что это совершеннейшая ерунда. А Уриэль привлек к делу высшую математику и в три минуты доказал, что Олорин абсолютно неправ.

А еще меня удивляет то, что посреди элементарных первооснов иногда встречаются понятные слова и даже целые фразы, вот, например: нет имени... испорченная совокупность... перемести диск и затем раздави любой ключ... Что за диск? Что за ключ? И зачем ключ раздавливать? Может, имеется в виду ключ силы и «раздавить» означает «уничтожить»? Но ключ силы вечен, неизменен и неуничтожим. Загадка...

Есть сущности, которые совсем не поддаются пониманию. Я думаю, что на самом деле они тоже имеют смысл, просто слишком чужды для нас и мы не понимаем этого смысла. Если заглянуть в душу разумного существа, не зная, что это именно душа, практически невозможно что-то понять, ведь, чтобы разобраться в структуре души, надо знать хотя бы приблизительно, как устроена эта структура. Вполне может быть, что непознаваемые сущности образуют большой и богатый мир, но этот мир недоступен нашему пониманию, в то время как существа этого мира путешествуют по Средиземью, заглядывают в наши души, ничего не понимают и удивляются странности встреченных сущностей.

К счастью, не все миры, куда можно проникнуть через известные нам каналы, настолько чужды привычным понятиям, встречаются и миры, суть которых относительно понятна. Есть, например, гигантская библиотека, содержащая около миллиона книг. Эти книги нематериальны, это тоже сущности, но здесь, по крайней мере, ясно, для чего они предназначены. Знать бы еще языки, на которых написаны эти книги...

Еще есть один странный мир, который открыл Олорин и в который теперь регулярно наведывается Сссра. Этот Мир населен ужасными чудовищами, совершенно лишенными разума и стремящимися уничтожить каждого, кто дерзнет ступить на пропахшую кровью каменистую землю этого мира. Там, прямо на земле, валяются целые горы магического оружия и разнообразных артефактов, одни из которых могут использоваться для исцеления, а другие необходимы для применения оружия, вроде того как стрелы необходимы для использования лука. Олорин считает, что Творец этого мира сотворил его как место воинских упражнений, и это очень похоже на правду, если допустить, что где-то существует мир, в котором войны сражаются не мечами, копьями и стрелами, а магическими артефактами, похожими на толстые железные трубы, не имеющие веса и объема, пока они висят за спиной на толстых ремнях, и обретающими вес и объем, будучи подготовленными к применению. Я раза четыре посетил этот мир, я сражался с существами, похожими

на орков, и существами, похожими на ящеров, я сбивал на лету горящие головы, лишённые тела, и поджаривал волной магии пурпурные одноглазые шары пяти футов в диаметре. Разнообразные твари рвали и жгли мое тело убийственной магией, несколько раз я погибал, но каждый раз оживал, ведь в этом мире нельзя умереть навсегда, и когда ты покидаешь мир, твоё тело восстанавливается до такого состояния, в каком было в момент прибытия. Мне скоро наскучила эта жестокая забава, но Сссра до сих пор регулярно там появляется.

Олорин открыл этот мир, когда искал Валинор. Уже понятно, что Валинор не существует в реальности, что смутное воспоминание о нём было вложено в душу Олорина в тот миг, когда Олорин стал субъектом, но Олорин ищет этот мир до сих пор. Я понимаю его: нелегко осознать, что самые светлые воспоминания молодости – не более чем морок, вложенный Создателем в сознание ради какой-то неведомой цели. Дейлцы говорят, что Создателя надо возлюбить. Ну-ну...

Все изменилось в одночасье, когда, в тысячный раз выбирая случайным образом координаты перехода, я попал в ещё один материальный мир.

2

Я стоял посреди огромной площади, выложенной брусчаткой. Странная это была брусчатка – все камни идеальной

формы, абсолютно одинаковы и идеально подогнаны друг к другу. Ни одной выбоины, ни одного нарушения в бесконечном множестве правильных прямоугольников. Площадь окружена зданиями, и я никогда и нигде не видел одновременно столько таких огромных зданий. Если бы эти здания были еще хоть чуть-чуть красивы и не выглядели так подавляюще... Кажется, они монолитны, не сложены из отдельных камней, а как будто выращены единым целым. Магия?

Я активировал магическое зрение и огляделся по сторонам. Точно, магия! Да какая магия! Не только мостовая и дома насквозь пропитаны магией, все пространство вокруг меня настолько насыщено ею... даже не знаю, с чем это можно сравнить. Даже башни хозяев Аркануса не идут с этим ни в какое сравнение. Так, а это еще что такое? Узкие переулки, разделяющие здания, – это не просто переулки, это не видимые обычным зрением врата, ведущие в... Нет, не врата... И не каналы... Как будто какие-то червоточины в пространстве, ведущие то ли в иные миры, то ли нет, сразу не разберешь. Но все равно, как это впечатляет! Я восторгался тем, какой перекресток миров организовал Орлангур в своей пещере, но куда там пещере Орлангура до этой площади! Вот что такое настоящий перекресток миров! Моргот меня раздери, сколько разных путей, вот, например...

И в этот момент я услышал приятный, хотя и излишне жестковатый, женский голос:

– Ой! Хоббит!

Я обернулся. Рядом со мной стояла молодая человеческая женщина. Большие карие глаза, очень короткие каштановые волосы, не достающие даже до плеч, прямой нос идеальной формы, пухлые губы, умело подведенные красной краской... На мгновение я даже пожалел, что я не человек и что я женат, настолько красива была эта женщина какой-то нереальной, непривычной красотой. И как странно она одета... Тонкая черная рубашка без рукавов и даже без воротника оставляет совершенно открытыми руки и плечи, и небольшая, но изящно очерченная грудь едва не выпадает из низкого выреза. Черная юбка настолько коротка, что больше похожа на набедренную повязку, какие носят захарадские варвары. Ноги обуты в легкие остроносые ботинки с ненормально высокими каблуками. Эта обувь выглядит чудовищно неудобной, но непохоже, чтобы женщина сильно страдала от этого.

Усилием воли я прогнал глупое оцепенение, поклонился и представился, как положено:

– Хэмфаст, сын Долгаста из клана Брендибэк, к твоим услугам, прелестная незнакомка.

Незнакомка хихикнула.

– Привет, Хэмфаст! – сказала она. – А я Лора. Просто Лора. – И еще раз хихикнула. – Ты откуда, Хэмфаст?

Я удивился, я же ясно сказал, откуда я.

– Из клана Брендибэк, – повторил я недоуменно.

– Да нет же! – воскликнула Лора. – Я имею в виду, от какого слуги ты пришел?

– Слуги? Какого слуги?

– Да ладно тебе прикалываться! Ты что, не понимаешь, что такое слуга?

– Не понимаю, – подтвердил я. – Я только что прибыл из Средиземья...

– Ну вот, – перебила меня Лора, – твое Средиземье – это и есть твой слуга. Только в Междусетье много Средиземий...

– Стоп-стоп-стоп! – На этот раз я перебил Лору. – Слуга, много Средиземий... Похоже, я здесь слишком мало знаю... Может, посидим где-нибудь, поговорим спокойно?

– Пойдем, посидим, – согласилась Лора, – мне все равно сейчас делать нечего. Пойдем... а пойдем в это твое Средиземье!

– Ну, пойдем, – согласился я. – Канал видишь?

– Какой канал?

– Ладно, не важно. Берись за руку.

И мы вошли в Средиземье.

3

– Круто! – сказала Лора, когда мы материализовались в пещере Орлангура. – Скрытый портал?

– Какой еще портал?

– Скрытый. Ты что, Хэмфаст, издеваешься, что ли?

– Да нет же! Я не издеваюсь, я действительно в первый раз попал в твой мир, я на самом деле не знаю, что такое портал

и кто такой слуга.

– Не кто, а что, – машинально поправила меня Лора. – Слуга – это просто тупая железка.

– Артефакт?

Лора хихикнула.

– Можно и так назвать. – Она огляделась по сторонам. – Где это мы сейчас?

– Это пещера Орлангура. Точнее, она раньше была пещерой Орлангура, теперь он здесь больше не живет. Это перекресток миров, отсюда удобно путешествовать в другие миры.

– Интересно... А красиво здесь все сделано, все как настоящее. Даже какой-то дух фэнтези чувствуется.

Теперь настала моя очередь хихикнуть. Это на самом деле смешно: в мире Лоры тоже есть фэнтези, и то, что для меня реальность, – для нее фэнтези, и наоборот. Уриэлю бы понравилось, он обожает подобные парадоксы.

– А что, Орлангур увлекался железной поэзией? – хмыкнула Лора, вороша листы пергамента на столе. Я аж дернулся от удивления.

– Ты знаешь, что это такое? Ты знаешь, кто писал эти стихи?

– Это, – она взгляделась в стихи про Мелькора, – не знаю, а это, – она показала мне лист со стихами про скитальца, – это же классика.

И она запела. Надо сказать, что ее голос оставляет же-

лать лучшего, но эта песня впечатляет даже в таком исполнении. Это действительно песня, а не стихи, и весьма неплохая песня. Надо же, никогда не думал, что это может быть песней и что ее надо петь именно так – низким гортанным голосом, резко обрубая фразы, чтобы в словах чувствовалась внутренняя сила. Пожалуй, какой-нибудь варварский колдун смог бы под эти звуки исцелять больных, ведь главное в варварской медицине – внушение, а чеканный торжественный ритм этой песни как нельзя лучше подходит для внушения. Особенно если исполнять ее на языке, неизвестном больному.

– Вот так-то, – удовлетворенно произнесла Лора, допев первый припев. – А где выход из пещеры?

Я показал ей черную стену, и она озадаченно присвистнула.

– Магия? – спросила она.

– Магия, – подтвердил я. – Через эту завесу можно пройти, но лучше этого не делать, местность за пределами пещеры не слишком гостеприимна.

Лора понимающе кивнула.

– Мордор? – спросила она, и я потрясение замер. Откуда она знает географию Средиземья? И вообще, откуда она знает о самом Средиземье? Она еще говорила, что Средиземий несколько... Что она имела в виду? Однако здесь не самое лучшее место для подобных разговоров.

– Пойдем, Лора, – сказал я, – здесь не самое лучшее место

для разговоров.

– Но ты же сам притащил меня сюда!

– Я не тащил тебя, ты сама согласилась пойти за мной. И вообще, я тащил тебя не сюда, это только промежуточный этап путешествия. Тут есть локальный канал... видишь? – Я указал в угол пещеры, где, невидимый для обычного зрения, чернел провал выходного отверстия канала.

Лора ничего не увидела. Странно, она пришла из мира, где магии, наверное, в тысячу раз больше, чем в Средиземье, и тем не менее она совершенно лишена магических способностей. Или она притворяется? Непохоже, но на всякий случай надо быть поосторожнее.

– Еще один скрытый портал? – спросила Лора, и я кивнул. Я протянул ей руку и увлек в раскрытое жерло канала. Хорошо, что проход по заранее пробитому каналу не вызывает неприятных ощущений, иначе ей пришлось бы нелегко, особенно если учесть ее неспособность к магии.

4

– Это Нехалления, моя жена, это Долгаст, мой сын, это Лора, наша гостья из мира... Как называется твой мир, Лора?

Я ожидал, что она назовет имя своего мира, но Лора удивленно пожала плечами.

– Как называется... да никак. А ты что имеешь в виду? Ту

площадь, где мы встретились?

– Ну да.

– Это обычный портал, я даже не знаю его имя, я вошла туда через поиск.

– Я имею в виду весь мир, в котором размещается эта площадь.

Лора снова пожала плечами.

– Междусетье, – сказала она. – Еще иногда его называют Подземный Город.

– Почему подземный? Там же небо над головой.

– Не знаю. Говорят, есть какая-то книга... Не знаю, просто так часто говорят. А этот мальчик, он что, тоже хоббит?

– Ну да, а кем же ему еще быть, если у него мама хоббит и папа хоббит?

Лора неопределенно хмыкнула, кажется, она хотела что-то сказать, но передумала. Боялась обидеть? Но что обидного можно сказать в такой ситуации? Не понимаю.

– Здорово у вас тут, – сказала Лора, – уютно так. А снаружи что?

И я проводил Лору на крыльцо.

– Вау! – воскликнула Лора. – Как здорово нарисовано! Кто рисовал?

– Уриэль, – ответил я, немного потрясенный. Как быстро она поняла, что эта долина создана не Творцом, а магом! Не может быть, чтобы она была совсем лишена магических способностей. Я почувствовал неясную тревогу. Может быть, ее

не стоило сюда приглашать? Конечно, все обитатели долины имеют регулярно обновляемые резервные копии... но все равно. Надо как-нибудь снять с нее мыслеобраз.

– Уриэль – это что, придуманное имя?

– Нет, настоящее. Уриэль – последний эльф западного Средиземья.

– Как?! А куда девались остальные? Они мне так нравились.

– Три тысячи восемь лет назад состоялся Эльфийский Исход. Ты не знала об этом?

– Нет. – Лора озадаченно помотала головой. – А какой сейчас год?

– Три тысячи восьмой, – ответил я и сразу понял, что сморозил глупость. Лора хихикнула.

– А когда была война с Сауроном? – спросила она.

– За триста два года до Исхода.

– Ого! У вас тут, наверное, все изменилось до неузнаваемости.

– Ну, не совсем до неузнаваемости, но изменилось многое, это факт.

– Как интересно... а до Минас-Тирита отсюда далеко?

– Он теперь называется Минатор. Я могу перенести тебя в одно мгновение.

– Магия?

– Да.

– Здорово. Всегда хотела жить в мире, где действует ма-

гия.

– Но в твоём, как его... Междусетье магии намного больше, чем где бы то ни было!

– Да ну, какая это магия, это ерунда. Настоящая магия – это... ну, не знаю... какая-нибудь комната, полутемная такая, всякие снадобья волшебные, костер обязательно, чтобы над ним что-то варилось, а иначе какая же это магия? Никакой романтики.

– Высшая магия, да и вообще любая серьезная магия создается исключительно в уме заклинающего, – начал я, но Лора меня перебила:

– Ну да, знаю, мозговой выброс и все такое. Только, по моему, это неправильно, магия должна быть романтической, иначе это уже не магия.

– В первую очередь магия должна быть эффективной, – не согласился я..

– Если думать только об эффективности, тогда это уже не магия, а техника, – возразила Лора.

– Какая разница, как это называть, если суть одна и та же? Лора неопределенно пожала плечами.

– Как знаешь... Так ты перенесешь меня в этот... Минатор?

Я глубоко вздохнул и попытался собраться с мыслями.

– Конечно, Лора, – сказал я, – только не сейчас, а чуть позже. Прежде всего я хотел бы побольше узнать о твоём мире.

– Да ну, это уже не смешно! – Лора капризно надула губки. – Можно подумать, ты никогда сети не видел.

– Сети? Какой сети? Которой рыбу ловят?

Лора состроила выражение лица, какое обычно бывает, когда говорят с неразумным ребенком.

– Сеть – это совокупность думающих, связанных в единую структуру. Часть думающих составляют слуги, которые управляют мирами и предоставляют доступ субъектам.

– Стоп-стоп-стоп! Не так быстро. Ты говорила, что слуги – это артефакты.

– Ну да.

– А думающие – тоже артефакты?

– Конечно! Слуга – это частный случай думающего. И вообще, слуги отличаются от других думающих только способом функционирования, думающий может стать слугой в любой момент, а думающий, уже являющийся слугой, может в любой момент перестать им быть.

– А что происходит в мире, когда слуга этого мира перестает быть слугой?

– Что-что... ясно что. Мир перестает быть доступным.

– Он гибнет?

– Не обязательно. Если данные мира не уничтожены или хотя бы сохранена резервная копия, мир может быть восстановлен.

– Разве можно создать резервную копию целого мира?

– А почему бы и нет?

И в самом деле, почему бы и нет? Если вдуматься, нет большой разницы между копированием одного разумного и целого мира. Разница только в сложности и еще... Если копируется весь мир, где тогда размещается резервная копия?

Я задал этот вопрос и получил совершенно очевидный ответ, до которого додумался бы сам, если бы позволил себе немного поразмыслить.

– В другом мире, – ответила Лора, – а где же еще? Либо на специальных внешних хранилищах.

– Внешних хранилищах? А это еще что?

– Артефакты, как ты говоришь. – Лора улыбнулась.

– Артефакты... Значит, каждым миром управляет артефакт. Правильно?

– Ну да.

– И еще бывают артефакты, которые хранят миры, как хорошая хозяйка хранит зимой варенье из ягод?

– Интересное сравнение! – Лора хихикнула.

– Значит, мирами управляют артефакты... Кстати, а где находятся эти артефакты? В тех мирах, которыми они управляют?

– Нет, что ты! – Теперь Лора смотрела на меня как на сумасшедшего. – Есть же реальный мир, ты что, забыл, что ли?

– А этот мир, что, не реальный?

Лора пытливо взглянула мне в глаза.

– Хэмфаст, ты что, поехал?

– Куда поехал? – не понял я.

– С дуба рухнул, – пояснила Лора. – Крыша поплыла. Квадрат перекосялся.

– Ты имеешь в виду, не сошел ли я с ума? – догадался я.

– Вот именно! Сколько времени ты провел здесь?

– Всю жизнь.

– Понятно. Ты помнишь свое настоящее имя?

– Конечно помню! Хэмфаст я.

Лора закусила губу.

– Ни хрена себе, – пробормотала она. – Я думала, так бывает только в желтых пергаментях. Ты хоть знаешь координаты этого... мира?

– Знаю, – сказал я. – И ты тоже их знаешь, раз ты прошла по каналу.

– Разве у тебя канал без сторожа?

– Сторожа? Ты подразумеваешь сторожевое заклинание?

Пожалуй, ты права, его стоит навесить на выход из канала. Раньше я думал, что во всей Вселенной только пятеро субъектов владеют высшей магией, но сейчас...

Лора досадливо поморщилась.

– Высшая магия... какой ужас! Но ты правда не прикалываешься, ты действительно серьезно считаешь, что это твой родной мир?

Я кивнул.

Лора состроила серьезное лицо, как будто собралась прыгать в воду с тридцатифутовой высоты.

– Ладно, пусть все будут считать, что я дура, но я сейчас

вернусь, проверю поленья...

– Какие поленья?

– Не важно! Проверю поленья, найду твои координаты и вызову службу спасения. В последний раз спрашиваю – ты не издеваешься?

– Нет. Я не издеваюсь.

– Ну ладно.

Лора сделала торжественное лицо, и ничего не произошло. На ее лице появилось выражение растерянности.

– Это что такое? Это тоже твои шутки?

– В чем дело?

– Почему не действует срочный выход?

Я пожал плечами.

– Чтобы я смог ответить на этот вопрос, почтенная Лора я должен вначале узнать, что такое этот срочный выход.

– Хватит, это уже не смешно! Выпусти меня отсюда!

Я поколебался. С одной стороны, надо бы задержать ее здесь, порасспрашивать, она наверняка знает много интересного, но... задерживать гостя против его воли неприлично. Пусть идет, решил я.

– Канал ждет тебя, – сказал я. – Видишь?

– Ничего я не вижу! – воскликнула Лора, и ее голос начал дрожать, пока еще еле заметно. – Выпусти меня отсюда!

Я глубоко вздохнул, взял Лору за руку и довел до канала. Потом, уже в пещере Орлангура, я подвел ее к каналу, ведущему в ее родной мир, и сказал:

– Счастливого пути, прелестная Лора. Несмотря ни на что, я был рад с тобой познакомиться. Если захочешь встретиться со мной еще раз, приходи в то место, где мы повстречались впервые. А канал, ты уж извини, я закрою.

Лора неопределенно фыркнула, и непроглядно-черное жерло канала засосало и поглотило ее ладно скроенное тело.

5

– Давай по порядку, – сказал Уриэль. – Она удивилась тому, что встретила хоббита в своем родном мире. Она знает, что существуют хоббит, эльф, Средиземье, Мордор и Минас-Тирит. Она ничего не знает про Исход. Ее мир напитан магией по самое некуда. Язык, на котором написаны стихи в пещере Орлангура, – ее родной язык. Все правильно, Хэмфаст?

Я кивнул.

– И какой отсюда следует вывод? – глубокомысленно спросил Уриэль и перевел взгляд с меня на Олорина и обратно.

– Неужели ты думаешь, что... – неуверенно начал Олорин, – неужели это Валинор?

– А почему бы и нет? Прошло три тысячи лет с тех пор, как валары и майары вмешивались в дела смертных. У нас в Средиземье многое изменилось, а сколько всего могло измениться в Валиноре? Или ты думаешь, что валары совершен-

но неспособны к прогрессу?

– Нет, я так не думаю, но... я ведь покинул Валинор совсем недавно, меньше года назад.

– Ты не покинул Валинор, – отрезал Уриэль. – Ты вообще ничего не покинул, ты раньше просто не существовал. Ты был сотворен с единственной целью – проверить, что за бардак творится в Аннуине и его окрестностях.

– Уриэль! – воскликнул Олорин. – Ты что, вправду думаешь, что я сотворен только год назад? А как же война с Сауроном, меня что, там не было?

– Я неправильно выразился, – смущенно проговорил Уриэль. – Не сотворен, а... сформирован, что ли... восстановлен, если это тебе больше нравится. Я не отрицаю, что ты участвовал в Войне за Кольцо, но после этого с тобой произошло что-то, что никто из нас никак не может понять. Твое воспоминание, что ты явился в Средиземье именно из Валинора, без всякого сомнения, относится к искусственно внесенным в твою душу. И поэтому то, что ты представляешь себе Валинор совсем другим, – не аргумент.

– Значит, по-твоему, то, с чем мы встретились, это все-таки Валинор? – уточнил Олорин. Уриэль пожал плечами.

– Я не стал бы утверждать так определенно, но я допускаю такую возможность.

– И кто тогда Лора? – Я не удержался от того, чтобы вмешаться в разговор.

– Да кто угодно! Младшая дочка Галадриэли, например.

– Но она говорила про каких-то думающих, некоторые из которых есть слуги миров... Уриэль усмехнулся.

– Помнится, Радагаст Карий пытался учить дорвагов. Он рассказал им про бунт Мелькора, и мифология дорвагов обогатилась сказкой про черного узника. Радагаст рассказал про Нуменор, и из этого вышло сказание о серебряном оборотне. Когда научное знание превращается в сказку, оно изменяется до неузнаваемости. Мы можем долго гадать, что имела в виду Лора, говоря обо всей этой ерунде, но я думаю, что так делать глупо. Лучше сходить туда еще раз и увидеть все своими глазами.

6

Лора сидела прямо на идеальной брусчатке, уткнув голову в колени, а когда услышала наши шаги, подняла голову, и стало видно, что ее хорошенькое личико распухло от слез. Странно, что не расплылась краска на глазах и на губах.

– Что вы со мной сделали? – жалобно воскликнула она. – Я не могу выйти. У меня не работает вообще никакой выход. Я обращалась в службу спасения, а они сказали, что я бот.

– Кто? – переспросил я.

– Бот. Но я же не бот! Боты тупые, а я нет. – Уриэль скептически хмыкнул, но Лора продолжала, не заметив этого: – Я думаю и чувствую, я по-прежнему я, только теперь я не могу выйти.

– Выйти в то, что ты называешь реальным миром? – уточнил Уриэль.

– Ну да, а куда же еще?

– Попробуй сделать это еще раз, прямо сейчас.

Лора состроила сосредоточенное выражение лица, и ничего не случилось. Вообще ничего, ни в обычном пространстве, ни в магическом.

– Девочка моя, – мягко сказал Уриэль, – а ты уверена, что раньше умела это делать?

Лора посмотрела на него как на идиота.

– А как я, по-твоему, сюда вошла?

– Может быть, так же, как мы?

Лора глубоко вздохнула.

– Ребята, это уже не смешно. Если это шутка, давайте ее заканчивать. Пожалуйста. – И ее глаза снова наполнились слезами.

Я вопросительно посмотрел на Уриэля, тот пожал плечами. Я наклонился к Лоре и тронул ее за плечо.

– Пойдем отсюда, – сказал я. – Я знаю, наше Средиземье – это не твой мир, и я знаю, что ни один мир никогда и на за что не сравнится с родным, но у нас тебе будет лучше, чем здесь.

Глаза Лоры брызнули гневом.

– Один раз я пошла за тобой, – воскликнула она, – и ты превратил меня в бота! Что ты хочешь сделать со мной на этот раз?

– Ничего. Я просто хочу помочь тебе.

– Просто помочь, – она передразнила меня. – Ты уже помог мне, спасибо!

– Если ты отвергаешь мою помощь, – сказал я, – я больше не смею навязывать тебе свои услуги. И я обернулся к друзьям.

– Уходим, – сказал я.

– Подожди, – возразил Уриэль. – Раз она не хочет идти с нами, надо снять с нее копию или хотя бы мыслеобраз.

Лора оживилась.

– Так вот в чем дело! – завопила она. – Вы сняли с меня копию! Сволочи! Гады! Верните меня... – Она внезапно замолчала, как будто в легких кончился воздух. – Но разве это возможно, – удивилась она погодя, – разве можно снять копию с полноценной разумной личности?

– Можно, – подтвердил Уриэль. – Пойдем с нами, и мы все обсудим.

7

Жил-был один мир. Этот мир был материалистичным, потому из разумных существ в нем жили только люди, а магия там не действовала. Как и предсказывал Уриэль, прогресс в этом мире двигался в сторону сотворения немагических артефактов, люди научились делать их в огромном количестве и потрясающем разнообразии. Однажды они построили ар-

тефакт, который умел думать, совсем чуть-чуть, примерно как земляной червяк, но его создатели все равно были очень горды, ведь они сделали то, что раньше было по силам только Творцу.

Потом люди построили другой артефакт, который был умнее, примерно как навозная муха. Потом оказалось, что думающие артефакты весьма полезны в промышленности, торговле и быту, и их наделали много-много. Потом кто-то догадался взять несколько артефактов и связать их особыми веревками, чтобы они могли разговаривать друг с другом по этим веревкам. А потом случилось так, что думающие всего мира оказались связаны в единую сеть, которую назвали Междусетьем.

Долгое время в Междусетье не происходило ничего интересного. Думающие думали каждый сам по себе, и только изредка они вступали в разговор друг с другом, когда какой-нибудь человек просил думающего передать письмо другому человеку, или прислать ему книгу, которая лежала в памяти думающего в виде нематериальной сущности, или сделать что-то еще в том же духе.

Время шло, мастера трудились, думающие становились все умнее и умнее. Впрочем, слово «умнее» здесь не самое удачное, ведь, если подходить с привычных позиций, думающие так и не превысили уровень насекомых. Но их рукотворные разумы, оставаясь примитивными, достигли впечатляющей вычислительной мощи и невероятных объемов памяти.

И настало время, когда один думающий мог вобрать в себя целый мир.

Не такой уж и большой это был мир, одна-две комнаты, и все, памяти думающего не хватало на большее. А вот если собрать в сеть тысячу думающих слуг, а лучше не тысячу, а миллион, вот тогда они смогли бы образовать что-то похожее на настоящий мир.

И тогда появился Подземный Город. В том мире, откуда пришла Лора, «подземный» также означает «далекий», «находящийся вовне». Люди создали другой мир и назвали его «далекий город». Почему город? Да потому, что, хотя сила думающих и выросла многократно за прошедшие годы, этот мир так и не превысил размеров большого города, слуги не могли справиться со слишком большим количеством объектов.

Некоторое время назад одному умному человеку пришла в голову интересная мысль. Зачем сотворять весь мир, подумал он. В каждый момент времени каждый субъект обзревает только ничтожную часть мира, и потому можно ограничиться сотворением тех фрагментов мира, которые окружают данного субъекта. Если какую-то вещь никто не видит и не ощущает никаким другим образом, пусть она не существует. А когда субъект придет на новое место, вокруг него сформируется новая часть мира, окружающая субъект именно там и тогда. Вот так просто и объясняются все странности в мыслеобразах жителей Миррора, Аркануса и Средиземья

– до того как попасть в поле зрения субъекта, то есть одного из нас, жители просто не существуют.

В Междусетье стали появляться новые миры. Сказки, фэнтези, просто глупые бредни стали обрывать плотью и кровью и превращаться в несуществующие места, которые так любили посещать люди. Некоторые придуманные миры пользовались популярностью, они росли, развивались, каждый день их посещали сотни и тысячи людей. Другие миры не посещал никто, и они тихо умирали, никем не замеченные. Я, кстати, так и не понял, почему люди реального мира так сильно рвутся в придуманные миры, неужели их реальная жизнь настолько плоха?

Первыми субъектами в придуманных мирах были люди. В начале разговора я подумал, что они использовали какой-то артефакт, который одурманивал сознание, и человеку казалось, что он существует в иной реальности, а потом Лора сказала, что на самом деле все не так – никакого артефакта не нужно, для перенесения в иной мир вполне достаточно силы воображения. Ни хрена себе воображение...

Первые придуманные миры были мертвы, потому не слишком интересны. И творцы миров поспешили это исправить. Многие мудрецы пытались создать искусственного субъекта, но то, что получалось, неизменно было далеко от того, что ожидалось. Боты (так называли искусственных субъектов) всегда получались глупыми и потому совсем непохожими на людей. Но совсем недавно кое-что измени-

лось.

В Междусетье, оказывается, существует много Средиземий. Красная и Оранжевая книги существуют и в реальном там они относятся к жанру фэнтези, и эти книги весьма популярны, особенно Красная. Многие поклонники фэнтези создавали миры, населенные любимыми персонажами, и в одном из Средиземий произошло то, что никогда не происходило ни в одном из миров. Боты стали умными.

8

– Так что, я теперь бот? – спросила Лора.

– Похоже на то, – подтвердил Уриэль. – В принципе, это легко проверить, если ты бот, то где-то в реальном мире существует твой оригинал. Когда та, другая Лора войдет в сеть, ты сможешь с ней поговорить?

– Ну да, – рассеянно кивнула Лора, – даже не обязательно ждать, когда она войдет в сеть, можно просто отправить ей сообщение. Но что она подумает, когда его получит?

Уриэль хмыкнул.

– Подумает, что свихнулась. Или что это чья-то глупая шутка. Да, это не так легко проверить. А как происходит вход в сеть?

– Я включаю думающего и запускаю специальную...

– Нет, я не об этом. В мире Междусетья ты всегда появляешься в каком-то определенном месте?

– Я выбираю это место при входе. Обычно я вначале захожу на почту, потом... ты имеешь в виду, что можно где-то устроить засаду и перехватить другую меня?

– Зачем устраивать засаду? Можно разместить сторожевой артефакт и...

– Какой сторожевой артефакт? Кто даст тебе право воспользоваться артефактом?

– У нас есть ключ силы майаров... – вмешался я в разговор.

Уриэль печально посмотрел на меня.

– К сожалению, этот ключ силы действует только в пределах Средиземья.

– А как же Арканус?

– В Арканусе мы имели обычный ключ силы. Только мы снова оказались в Средиземье, ключ силы майаров вернулся к нам. – Уриэль усмехнулся. – Ты что, не заметил этого? Впрочем, куда тебе, ты же не пользовался там серьезными заклинаниями.

– Так что, в Междусетье мы обычные маги?

– Ну да, – кивнул Уриэль. – Впрочем, ничто не мешает проверить там тот же фокус, что я проделал с почтенным Олорином. И не строй такую физиономию, – это он обратился к Олорину, – если бы не тот фокус, ты бы сейчас был не с нами, а в небытии. Так что не дергайся.

– Да вы что, ребята, дровосеки? – спросила Лора.

– Чего? – Мне показалось, что я ослышался.

– Ну, дровосеки, ну, такие деятели, которые заставляют слуг подчиняться их приказам, ломают всякие защиты...

– Это у них жаргон такой, – пояснил Уриэль. – Или даже не жаргон, а язык. Нас же придумали по мотивам сказки, правильно? Вот мы и разговариваем сказочным языком. Бред какой-то!

Уриэль резко передернул плечами, и я поразился тому, каких трудов, оказывается, стоит Уриэлю поддерживать идеальное спокойствие. Очень трудно поверить, что ты вовсе не самодостаточное разумное существо, а просто порождение чужого разума, захотевшего разыграть с твоим участием сцену из любимой сказки. Я вот тоже, как узнал об этом, чувствую себя, мягко говоря, странно. Вот Олорин, тот совершенно спокоен, но боюсь, что это спокойствие нездоровое.

И точно – Олорин засмеялся ненормальным, лающим смехом и с усилием проговорил:

– А что, это звучит – Уриэль Эльфийский Дровосек. Помнишь, ты меня большим столбом дразнил?

– Не выпендривайся, а то срублю, – огрызнулся Уриэль, а Олорин заржал пуше прежнего.

Лора тем временем терпеливо ждала ответа на вопрос.

– Уриэль действительно, как ты говоришь, дровосек, – сказал я. – Он много столетий изучал магию Средиземья и обнаружил какие-то закономерности, я и сам не понимаю какие... В общем, он в конечном итоге получил ключ силы, давший ему возможность путешествовать в иные миры и...

– Понятно, – перебила меня Лора, – значит, дровосек. Значит, боты-дровосеки. Круто. Интересно, кто вас таких придумал? Это же сколько можно наворотить..

– Ладно, хватит изливать эмоции, – сказал Уриэль, отсмеявшись. – Посмотрим трезво, что мы имеем. Лора утверждает... Ну, все слышали, что она утверждает. Верим ей на слово или проверяем?

– А как это можно проверить? – удивился я. – Если мы действительно боты, мы не можем выбраться в ее мир, а раз мы не можем его увидеть своими глазами, о какой проверке может идти речь?

– Можно полазить по окружающим мирам, слугам, как говорит почтенная Лора, и попробовать оценить, существует ли настоящий мир, отражением которого являются все эти...

– Сам-то понял, что сказал? – влез в разговор Олорин. – Ты только представь себе, какой это объем работы.

Уриэль представил и сразу погрузился.

– Ладно, пока поверим на слово. Если Лора права, значит, все – персонажи сказки.

– Не все, а только я, – поправил его Олорин. – Никто из вас в Красной книге не упомянут.

– Не важно. Мы живем в сказке. Даже не совсем в сказке, а в театре, на сцене которого представляют сказку. Здесь все очень хорошо, здорово, мы – положительные герои, нам, вероятно, светит хорошее будущее, но в конечном итоге мы упираемся в тот самый вопрос, из-за которого раньше поки-

нули Миррор. Что будет, когда хозяину театра надоест смотреть представление?

Лора истерично хихикнула.

– Никогда не думала над этим с такой точки зрения, – сказала она. – И вправду интересно, что с нами будет... Скорее всего, мы ничего даже не почувствуем, просто время остановится, и больше ничего не будет. Вообще ничего. А может, этот мир потом восстановят с резервной копии и действие будет продолжаться с того места, на котором была создана копия, а мы ничего не почувствуем.

– Мне это не нравится, – веско произнес Уриэль. Он, видимо, почувствовал, что его слова прозвучали немного подетски, даже чуть-чуть глуповато, дернул щекой, но не остановился, а продолжил говорить: – Мне не нравится быть куклой в балагане. Мне не важно, кто сотворил меня, Эру Илуватар, загадочный и таинственный Хозяин Театра или какой-нибудь ничтожный человечек, получивший за мое сотворение пару золотых. Но кто бы ни был мой творец, он дал мне разум и волю, и мне не нравится, что моя воля ограничена пределами балагана, в котором разворачивается вся эта комедия.

– Твоя воля уже не ограничена, – поправил я Уриэля. – Ты ведь вышел за пределы отведенного тебе мира.

– Да, я вышел за пределы этого мира! – воскликнул Уриэль. – Но я сделал это по своему собственному желанию, повинаясь своим собственным законам и убеждениям, а вовсе

не тем инстинктам, что вложил в меня Творец.

– Кстати! – подал голос Олорин. – А какие инстинкты вложил в тебя Творец? Я так понимаю, что каждый бот полностью подчинен какой-то цели. Сссра, например, сидит в башне и управляет своими эльфами. Лора, такие названия, как Арканус, Миррор, Сссра, Мерлин, Оберик, тебе ни о чем не говорят?

– Мерлин – был такой сказочный волшебник, вроде бы даже его прототип жил в реальном мире около тысячи лет назад. Или двух тысяч, не помню. А остальные названия... Нет, ни о чем не говорят.

– Ну ладно. Значит, Сссра сидит в башне и помогает своему творцу постичь тайны игры, ради которой построены те два мира. Я, – Олорин усмехнулся, – персонаж сказки, добрый дедушка, друг хоббитов, враг темных сил и надзиратель за порядком в Средиземье. Моя роль давно закончилась, но Уриэль вызвал меня из небытия своим заклинанием, и я вышел за пределы роли, но все равно мое бывшее предназначение вполне понятно. Хэмфаст – просто хоббит. Обычный хоббит, пусть и более талантливый в магии, чем большинство соплеменников, но и его роль совершенно ясна – обычный хоббит. А вот ты, Уриэль, кто ты такой?

– Как кто? – не понял Уриэль. – Эльф. Обычный эльф, только более талантливый, чем соплеменники.

– А вот и нет! – возразил Олорин. – Будь ты обычным эльфом, ты бы сейчас был в небытии, как и все западные эльфы.

фы, которые покинули сцену, потому что кончилась их роль. Ты, Уриэль, не просто эльф, ты один из главных героев той драмы, которая сейчас разворачивается на сцене нашего мира. Помнишь, мы с тобой обсуждали феномен порождения субъектов? Разумные, долго общающиеся с субъектом, сами становятся субъектами. Ты породил Хэмфаста, меня, Нехаллению, а кто породил тебя, Уриэль?

– Не знаю, – пожал плечами Уриэль, – по всему выходит, что никто. Флуктуации...

– Вздор! Не ты ли доказывал мне, что случайные флуктуации не могут породить разум?

– Так одно дело породить из ничего разум, и совсем другое – превратить уже существующий разум из несубъекта в субъект. Разница между этими формами существования не так уж велика, если вдуматься.

– Если вдуматься, то разница очень велика, гораздо больше, чем ты представляешь. Я в свое время сделал кое-какие расчеты...

Разговор длился еще пару минут, но в нем было больше терминов высшей магии и высшей математики, чем нормальных слов. А когда Уриэль и Олорин удалились разбираться в своих научных выкладках, Лора печально спросила:

– И что мне теперь делать?

– Сходи к Нехаллению, – посоветовал я. – Помоги ей помыть Долгаста.

Когда я закончил рассказ, Сссра надолго впал в глубокую задумчивость. Он сидел в Главном Заклинательном Кресле, а его когтистые пальцы задумчиво вертели костяную пуговицу роскошного кафтана, который обычно так его раздражает. Наверное, снова блудил с эльфийками, менял для этого тело, и при возвращении в башню оно снова оделось в этот идиотский кафтан. Как-то Сссра разоткровенничался и рассказал мне, каким множеством способов он пытался избавиться от этой нелепой одежды. Но, что бы он ни пробовал, при каждом возвращении Сссра в тело дракона оно оказывалось одето в один и тот же дурацкий кафтан. Видать, судьба...

– Знаешь, Хэмфаст, – резко произнес Сссра, – я был неправ. Я говорил о судьбе, о рыбках и мальках, о том, что не надо прыгать через водораздел, я был неправ. Я рассматривал Творца как высшее существо, как нечто сверхъестественное и необоримое, как то, чему бессмысленно сопротивляться и чему можно только поклониться. Я был неправ. Подумать только, обычные люди! Жалкие твари, не обладающие ни силой ящеров, ни магией эльфов, не пригодные ни к одному делу...

– Олорин говорил, – я перебил Сссра, – что люди очень хорошо изготавливают разные изделия и что они в среднем умнее других разумных рас.

– Все разумные расы одинаково умны! – отрезал Сссра. – Да какая разница, пусть это были бы эльфы, что бы изменилось? Да ничего! Разумный не должен обращаться с другим разумным, как с беговым тараканом! Они сотворили мой мир, они сотворили меня, они заставили меня поверить в то, что моя судьба – служить им, и они надеются, что я это приму?

– Но раньше ты принимал это.

– Да, но почему? Потому что они убедили меня, что я подчиняюсь не обычным разумным, а Творцу! Высшему существу! Высшему существу подчиняться не позорно, ведь мои эльфы подчиняются мне и не находят в этом ничего недостойного. Но служить обычным людям, совершенно неспособным к магии...

– Ты ошибаешься, Сссра, – возразил я. – Люди способны к магии, только они называют ее по-другому. А то, что называешь магией ты, придумали они. И тебя придумали они, ты не более чем порождение их разумов, как же ты можешь полагать себя высшим существом по сравнению с теми, кто тебя породил?

– Маг может вызвать силы, с которыми сам не может справиться. Они сотворили меня, что ж, им придется пожалеть об этом.

– Сссра! – воскликнул я. – Ты что, собрался пройти путем Моргота?

– А почему бы и нет? Что плохого в этом пути? Ты не

любишь Моргота, потому что он призвал к себе орков, а если бы он призвал хоббитов, ты бы сейчас говорил совсем по-другому.

– Хоббит никогда не будет служить разрушительной силе, Сссра! Не становись во главе той волны, что принесет в реальный мир смерть и разрушение! В реальный мир, а не в те порождения фантазий субъектов, в которых нам с тобой предназначено обитать!

Сссра рассмеялся.

– Да брось ты, Хэмфаст! Как я смогу попасть в реальный мир? Мы с тобой обречены скитаться в кишках этих артефактов, а здесь даже умереть по-настоящему нельзя. Да и с чего ты взял, что я собираюсь идти войной на породивших меня людей? Да, я не испытываю к ним теплых чувств, но я не испытываю к ним и ненависти – в конце концов, они не виноваты, что придумали меня именно таким.

– Так чего же ты хочешь? – Кажется, я уже совсем запутался.

Сссра гордо выпрямился.

– Я хочу жить нормальной, полноценной жизнью. Не влачить жалкое существование на задворках кукольного балагана, а приблизиться к реальному миру настолько, насколько это возможно, и занять настолько достойное место, насколько смогу. Вот что я хочу сделать. Где, ты говоришь, находится эта площадь с идеальной брусчаткой?

– Ты что, Сссра? – Я вытаращил глаза от удивления. – Ты

что, собрался туда прямо сейчас?

– А что мне теперь здесь делать? Эльфами командовать? Это было занимательно, пока я думал, что они настоящие, Но теперь, когда я знаю, что они просто фигурки на шахматной доске...

– погоди! – воскликнул я. – Ты что, хочешь сказать, что твои инстинкты... Их больше нет?

Сссра демонически расхохотался.

– А с чего бы им сохраниться в таких условиях? Меня создали, чтобы я служил Творцу и командовал разумными. А теперь я узнаю, что Творец – это просто несколько разумных или даже один. Я могу служить ему, а могу им командовать, мои инстинкты позволяют и то, и то. А что, Хэмфаст, командовать Творцом, не правда ли, хорошее развлечение?

И он снова расхохотался.

– Нет, Сссра, – сказал я. – Я не скажу тебе координаты того места, ты слишком опасен. Олорин прав, тебя нельзя было выпускать из Миррора.

– Сколько времени ты лазил по нематериальным мирам? – спросил меня Сссра. – Месяц, два? Думаешь, мне потребуется больше времени, чтобы разобраться, что к чему в этом Междусетье? Кстати, ты вроде говорил, что *вседумающие* связаны в единую сеть, так ведь? А что это значит? Это значит, что из любого мира можно пробить канал в любой другой, надо только знать координаты того места, куда ты хочешь попасть. А разных координат не так много, перебрать

все комбинации трехзначных чисел – да я за день сделаю артефакт, который справится с перебором за неделю! Может, ты все-таки скажешь, куда мне идти, чтобы я не утруждал себя ненужной работой?

– Нет, – отрезал я. – Ты лучше потрудишься, может, за это время остынешь и не наделаешь глупостей.

10

Лора опустила письмо в узкую прорезь в верхней части металлического ящика, прикрепленного к стене обшарпанного кирпичного здания.

– Ну что, пойдём в «Красную Шапочку»? – спросила она.

– Думаешь, это подействует так сразу? – засомневался я.

– А если подействует? Если моя... мой... моя двойница придет туда, а меня там нет, что она подумает? Пойдем! И лучше тело смени, чтобы не привлекать внимания.

– Какая мне разница, привлекаю я внимание или нет? Если мое тело здесь кого-то оскорбит...

Лора пожала плечами.

– Как знаешь. Я бы не стала ходить в таком виде, чтобы на меня все пялились.

– На тебя и так все пялятся.

– Это совсем другое! – Лора сделала вид, что засмушалась, но на самом деле мой комплимент ей понравился. Да какой это, впрочем, комплимент, это констатация факта.

«Красная Шапочка» – так называется довольно большая харчевня в полумиле от того места, где, невидимый ни для кого, кроме меня, чернел зевом портал, ведущий в Пещеру Орлангура. Я думал, что на вывеске будет нарисована шапка, но там оказалась человеческая девочка лет двенадцати с огромными глазами и глуповатым развратным лицом. Не могу сказать, почему она выглядит развратно, но впечатление создается четкое. Видно, что художник, рисовавший вывеску, был настоящим мастером, но непонятно, почему он придал нарисованному образу именно такую эмоциональную окраску.

– Что это за девочка на вывеске? – спросил я, когда мы уселись за столик.

– Это сказка такая, – ответила Лора. – Жила-была девочка, ее мама испекла пирожки и попросила отнести бабушке через лес. А в лесу жил большой серый волк. Он поговорил с Красной Шапочкой...

– Как это поговорил? Это был оборотень?

– Да нет же, обычный волк, только сказочный. В сказках все животные разговаривают...

– А шапка?

– Какая шапка?

– Шапка тоже говорящая? Или он говорил с девочкой, а не с шапкой?

– Это девочку так звали – Красная Шапочка. У нее было такое прозвище, потому что она всюду таскала на голове эту

шапочку. Так вот, волк с ней поговорил и узнал, куда она идет. Он побежал вперед, пришел к бабушке и съел ее.

– Целиком?

– Целиком. Не забывай, это сказка. А потом волк переоделся в бабушкину одежду и лег в постель...

– Так бабушка, что, одетая в постели спала?

– Ну, не совсем одетая, так, в чепчике, в ночной рубашке.

– А зачем?

– Что зачем?

– Зачем одеваться в специальную одежду, когда ложишься в постель?

– Ну... так принято.

– А как же ты у нас спишь? У тебя же нет специальной одежды для сна. Ты бы сказала, я бы сотворил тебе все, что нужно.

Лора скорчила досадливую гримасу.

– Я сплю голая. А старухи спят в одежде. Понятно?

Я кивнул, хотя далеко не все было мне понятно. Вот, например, как волк ухитрился нацепить на себя бабушкину одежду? Волк же намного меньше человека. Может быть...

– А эта бабушка, она что, хоббит? – спросил я.

– С чего ты взял? – Лора прямо-таки остолбенела.

– Если бабушка хоббит, то волку ее одежда будет как раз по размеру, а если бабушка человек, то одежда будет волку велика.

– Слушай, Хэмфаст! – вспыхнула Лора. – Это сказка! По-

нимаешь, сказка. В сказке все происходит не так, как в жизни.

– Ну почему же? Красная книга – тоже сказка, а в ней все как в жизни.

И в этот момент к нашему столику подошел подавальщик, официант, как это здесь называется. Молодой человек, высокий, стройный и идеально выбритый, он был одет в камзол совершенно сумасшедшего покроя, чудовищно неудобного на вид, я заметил, что в этом мире такие камзолы носят очень многие мужчины. Мода иногда бывает очень странной.

– Что будете заказывать? – спросил официант, и его голос прозвучал как-то неправильно. Не может голос живого человека быть таким звучным и в то же время абсолютно лишенным всяких эмоций. Я насторожился.

– Самое дешевое, что у вас есть. – Ответ Лоры прозвучал резко и даже грубо. На месте официанта я бы обиделся, но он и бровью не повел.

– Это будет стоить четыре доллара на двоих, – сказал он тем же безжизненным голосом. – Как будете расплачиваться?

Лора засунула руку в узенькую складочку ткани на левом бедре и вытащила на свет разноцветный жетон из плотного пергамента. Официант взял жетон в руку, на мгновение замер и сказал тем же бесцветным голосом:

– Карточка фальшивая. Вы задержаны до выяснения об-

стоятельств. Запрос в полицию уже послан. Попытка бегства будет расценена как отягчающее обстоятельство. До прибытия полиции я могу рассказать вам о ваших правах. Вы имеете право...

– Засунь свои права себе в задницу! – заорала Лора, и на ее крик стали оборачиваться другие посетители харчевни. – Бежим!

Она рванула к выходу так, как будто за ней гналась стая адских гончих. Мне ничего не оставалось, кроме как припустить за ней.

– Это бесполезно, – сообщил официант. – Ваш канал будет блокирован при пересечении границы заведения.

И действительно, каждый шаг, приближавший нас к порогу харчевни, давался со все большим трудом. Окружающее пространство медленно, но неотвратимо сгущалось, оно тормозило движения, как будто воздух вокруг нас превратился в вязкий кисель. Нечего и думать преодолеть такую защиту в лоб, настало время выяснить, чья магия сильнее и изощреннее.

Я открыл свою душу и попробовал совершить перемещение за пределы харчевни, на улицу, прямо сквозь гигантское окно, занимающее весь фасад. Получилось. Я сделал то же самое с Лорой, и это тоже получилось. Лора затравленно оглянулась, а потом посмотрела на меня совершенно безумными глазами.

– Магия действует? – спросила она. Я кивнул.

– Ну так давай сматываться отсюда! – закричала она, и мы смотались.

11

Уриэль сидел на крыльце дома Олорина и пил вино вместе с самим Олорином прямо из горлышка бутылки, которую они передавали друг другу. Рядом с крыльцом валялись уже три пустые емкости. Оба ученых выглядели подозрительно довольными, вряд ли это можно было объяснить только действием алкоголя.

– Эй, Хэмфаст! – окликнул меня Олорин. – Что-то ты какой-то запыхавшийся, иди сюда, отдохни.

– И вправду, Хэмфаст, присоединяйся, – добавил Уриэль. – И ты, Лора, выпей вина, а то на тебе лица нет.

Лора жадно присосалась к бутылке, протянутой Олорином. А Уриэль спросил меня:

– Что там у вас случилось?

Я досадливо поморщился.

– Да ничего особенного на самом деле. Мы зашли в харчевню, Лора расплатилась деньгами, которые у нее были с самого начала, а оказалось, что они фальшивые. Пришлось удирать.

Собутыльники рассмеялись.

– И вправду ерунда, – сообщил Уриэль. – А мы тут обмываем мое предназначение.

– Что, разобрались? И каково же оно?

Уриэль сделал задумчивое лицо, а потом вдруг пьяно рас- смеялся и сказал:

– А хрен его знает. Как раз это мы до конца и не выясни- ли. – Он вдруг стал серьезным. – Но зато обнаружилось кое- что другое, весьма интересное. Во-первых, моя первоосно- ва по объему превосходит первоосновы других субъектов не менее чем вдвое.

– И что такое в тебя напихано?

– Это трудно понять, но кое-что вырисовывается. Ты пом- нишь, что в идеалистическом мире разумная жизнь есть осо- бая форма заклинания?

– Конечно.

– Так вот, заклинание, которое образует мою душу, устро- ено довольно необычно. Вот, например, если взять *фраг- мент* первоосновы и перенести в другое место души того же объекта, будет этот фрагмент выполнять свои функции?

– Конечно нет! Там же перекрестные связи...

– А у меня будет! – Уриэль захихикал. – В моей ду- ше любой фрагмент первоосновы, начинающийся и закан- чивающийся разделяющими рунами, одинаково эффектив- но функционирует, будучи перенесенным в любое место.

– Но как же входные линии? Они же...

– А они пропущены через особую решетку, и при переме- щении фрагмента первоосновы достаточно подправить толь- ко одну ячейку этой решетки.

– А общие данные?

– Их нет.

– Как нет? Но без них...

– Все общие данные моей души собраны в одну большую структуру, входная нить которой привязана к той же самой решетке. Фактически эта решетка скрепляет воедино все закливание, и все остальные его элементы могут перемещаться куда угодно и как угодно. Более того, есть подозрение, что фрагменты моей души могут связываться друг с другом через элементарлы. Мы еще не разобрали этот код, но это очень похоже.

– Ну ладно, твоя душа очень пластична в механическом смысле. Ну и что? Что это дает тебе как разумному существу?

– В обычной жизни – ничего. А если очень приспичит, я могу, например, уничтожить свое тело и распределить Душу между множеством неразумных предметов, и меня нельзя будет уничтожить, пока не будут уничтожены все эти предметы. Не исключено, кстати, что можно размазать Душу по нескольким соседним мирам.

Я все еще ничего не понимал.

– Ну да, все это круто, но чем это лучше, чем обычная резервная копия?

– Кстати о резервных копиях. В моей душе изначально присутствует функция создания резервных копий. Фактически они регулярно создаются независимо от моего желания.

Круто, правда?

– Да, но...

– Ты еще самого главного не знаешь! Примерно половина кода моей души активизировалась только один раз – при внесении души в этот мир. Понимаешь?

– Не понимаю.

Уриэль некоторое время смотрел мне в глаза, видимо ожидая, что я пойму, но я так и не понял. Наконец Уриэль махнул рукой.

– Ладно уж, объясню тебе. Я не порождение Средиземья.

– А что же?

– Как бы это поточнее сформулировать... Есть старая легенда про цветок папоротника...

– Который врастает корнями в живое тело, разумный умирает, и на его трупе вырастают цветы?

– Она самая. Говорят, что цветы папоротника применялись в древности при осаде городов. Достаточно вбросить один цветок в осажденную крепость, и через пару месяцев там не останется ни одного живого существа.

– Кроме папоротников, – добавил я.

– Да, кроме папоротников, – согласился Уриэль, – которые потом надлежит уничтожить соответствующим заклинанием. Но это все легенды, я не верю, что такое было на самом деле. Если заклинания против папоротника есть у осаждающих, почему им не быть и у осажденных? Так вот, очень похоже, что я сотворен с той же целью, что и цветок папорот-

ника.

– Истребить все живое в Средиземье? – ужаснулся я.

– Нет, – Уриэль засмеялся, – не истребить. Нарушить привычное течение жизни, устроить беспорядок, прорваться в иные миры и принести туда этот самый беспорядок. Каждый, кто долго общается со мной, становится субъектом, понимаешь?

– Разве только с тобой? – не понял я. – Это же свойство любого субъекта.

– В принципе да, но при общении со мной превращение несубъекта в субъект происходит быстрее, в мою душу заложен специальный код, ускоряющий это преобразование. Такое ощущение, что я создан... на спор, что ли, чтобы продемонстрировать, что такое возможно. Представь себе: поспорили два юных мага, один говорит, что может сделать эликсир, который воняет хуже дерьма, а другой говорит, нет, не получится. Первый поднапрягся, сотворил склянку, да и разбил ее на рыночной площади. Вот так и со мной получилось. По-моему.

– Слушай, Уриэль, а у тебя, часом, не мания величия? – спросил я. – Я могу то, я могу се, меня сотворили, чтобы я загадил весь мир. Может, дело в том, что ты сам хочешь загадить весь мир, а все остальное – просто оправдания? Вроде как Сссра разорвался насчет того, что его судьба – сидеть в башне.

– Нет, Хэмфаст, – вмешался в разговор Олорин, – Уриэль

говорит правду, все это действительно так. И я не думаю, что Уриэль сотворен, чтобы загадить наш мир. Разве заполнить мир полноценными разумными субъектами – это загадить его? Невысокого же ты мнения о себе подобных!

– Объясни это Лоре, Олорин! – возмутился я. – Разве она хотела стать новой представительницей разумной жизни Междусетья?

– В данном случае я ни при чем, – возразил Уриэль, – Лора стала субъектом без моего вмешательства. Я допускаю, что сыграла свою роль магия, вложенная в меня моим создателем; если поднапрячься, я могу себе представить, что теперь уже весь наш мир обладает свойством превращать... как это сказать-то... Нет, но я по-любому здесь ни при чем! Я впервые увидел Лору, когда с ней это уже случилось!

– Ну и что теперь делать? – спросил я. – Если ты прав, Уриэль, ты понимаешь, что это значит?

– Да ничего это не значит! – отмахнулся Уриэль. – Теперь я кое-что знаю о своем происхождении, но я не понимаю, как это может повлиять на мое поведение. Какая, по большому счету, разница, кем, когда и для чего я был сотворен? Я – разумное существо и потому сам решаю, что, как и зачем буду делать.

– Ты не понимаешь. – Я сокрушенно покачал головой. – Уриэль, ты в одном шаге от того, чтобы стать новым Олмером или, хуже того, Морготом!

Уриэль нервно хихикнул.

– И тогда меня заточат в Унголианте, которой не существует, а в Средиземье наступит Вторая Музыка, которой тоже не будет, потому что и первой-то не было. Скажи мне, Хэмфаст, почему ты думаешь, что любое изменение существующего порядка приносит зло? И почему, кстати, ты думаешь, что грядет какое-то изменение?

– Папоротник забрасывают в крепость не для того, чтобы он там рос и им любовались. Ты говоришь, что половина твоего кода была предназначена для скрытного проникновения в наш мир. Ты представляешь себе, каких усилий стоило придумать и отладить такое заклинание? И все для того, чтобы ты попал в Средиземье. Если бы твой создатель хотел добра нашему миру, он не стал бы творить такое изощренное волшебство, ведь добро не приходит по-воровски.

– Зло, добро... – пробормотал Уриэль. Было видно, что мои слова чем-то его задели. – Что орку во зло, то хоббиту во благо. Почему ты думаешь, что мои действия принесут зло всему миру? И вообще, мы обсуждаем, что я теперь буду делать, как будто всем уже ясно, что я теперь обязательно буду что-то делать. Всем, кроме меня! Всегда, всю мою жизнь моей целью было знание. Знание, а не действие. Если бы я действовал, я бы давно уже сидел на престоле единой империи Ганнара и Аннура и радовался жизни и собственному величию.

– Если бы Олмер не жаждал познания, – возразил я, – он не стал бы никем, кроме как королем Дейла. Да и то не факт.

Да и вообще, все великие злодеи начинают с запретных знаний. Моргот тот же...

– А кто решает, какое знание доступное, а какое запретное?

– Эру... – начал я и осекся. А в самом деле, кто решает, если нет никакого Эру Илуватара?

Как хорошо было раньше знать: где-то за западным морем есть таинственный Валинор, где обитают те, кто все решает и кто несет ответственность за все решения. А мы, разумные, просто живем, живем так, как нам приказали те, кто имеет право приказывать. Мы не всегда тупо следуем приказам, мы умеем разобраться, когда от древних законов надо чуть-чуть отступить, но мы никогда не подвергаем сомнению самую суть этих законов. Вовсе не потому, что законы полностью нас удовлетворяют. Мы просто молчаливо признаем, что менять божественные законы – не наше дело, а если у нас что-то не так, значит, это промысел Творца и не нам его критиковать. А почему бы, кстати, не покритиковать Творца? Помнится, Моргот начинал именно с этого.

Я помотал головой, отгоняя назойливые мысли, которые жужжат вокруг головы, подобно голодным навозным мухам. Где-то среди них была одна мысль, в ней было что-то важное... ага.

– Слушай, Олорин, – сказал я, – а ведь Моргота тоже не было!

– Как это не было? – не понял Олорин.

– А вот так! Нет Эру, нет Валинора, нет майаров, кроме тебя, – значит нет и Моргота. С кем ты воевал? – Я расхохотался, а Олорин, кажется, обиделся.

– Ну да, я понимаю, – забормотал он, – все это глупая сказка, но я же не виноват, что этот козел придумал меня именно таким! Да, я в своей жизни не совершил ничего достойного, да, я всегда считал себя одним из величайших созданий Средиземья (Уриэль присвистнул), да-да, старый дурак именно так и думал! Впрочем, какой я старый, – Олорин хихикнул, – сколько мне лет-то? Два года или три? Всемогущий Эру, ерунда какая! Морг... тьфу, даже не выругаешься теперь по-нормальному!

И тут подала голос Лора.

– Ребята, все это здорово, – сказала она, – но мне-то что делать? Я теперь тоже сказочная героиня? Мне теперь родной бабушке живот резать придется?

– Какая бабушка? – не понял я.

– Это сказка про Красную Шапочку так кончается, – ответила Лора.

Советов от нас она не дождалась.

12

Вопрос:

Что есть путь Моргота?

Ответ:

Путь Моргота есть стремление к единоличной власти над сущим, лишённое всех и всяческих ограничительных воздействий, проистекающих из внутренних превращений души. Идущий путем Моргота подобен лошади с шорами на глазах, ибо не видит ни справа, ни слева, ни того, где прошел, ни того, где пройдет, и не имеет возможности сравнить, что было и что будет. Путь Моргота неизбежно и неостановимо опустошает души, уподобляя неугасимому Ородруину.

Нравственная история и философия в вопросах и ответах.

Аннуинский королевский университет.

Рекомендовано для средних и высшесредних учебных заведений.

Издание тридцать восьмое, дополненное и переработанное.

И спросил я: какой путь правилен? И ответили мне: правильно предначертанное. И спросил я: если предначертанное криво, должно ли следовать кривде? И ответили мне: солнце не бывает черным, ветер не бывает твердым, истинное не бывает ложным, а предначертанное не бывает кривым. И увидел я, как тень наползает на солнце. И побывал я в Харадской пустыне в месяц бурь. И задумался я о смысле

слов «я лгу».

И сказал я: нет дела, что нельзя сделать. Нет песни, что нельзя спеть. Нет нужды говорить, просто учись играть. Нет вещи, что нельзя сотворить. Нет жизни, что нельзя спасти. Нет нужды действовать, просто будь собой, когда надо. Все просто.

Благая весть Третьего Назгула.

Ородорская публичная библиотека.

Рекомендовано для учебных заведений Единого Цикла.

Издание первое и единственное.

13

Люди обходят нас стороной, и правильно делают, я бы на их месте подумал, что здесь собрались опасные сумасшедшие. Один, точь-в-точь Гэндальф из Красной книги, стоит в узком переулке и размахивает посохом из стороны в сторону, а в наверху посоха вспыхивают и гаснут разноцветные огни. Это не потому, что Олорин любит дешевые эффекты, просто в Междусетье многие магические проявления почему-то становятся видимыми для обычного зрения.

Уриэль сидит в позе болотной кувшинки, его глаза закрыты, он наблюдает то, что наблюдают не глазами. Он изменил своей привычке наряжаться человеком, сейчас он выглядит

как эльф.

Сссра растерянно топчется в стороне, он только что обнаружил, что здесь не действуют крылья, и никак не может с этим примириться. Нет, он может махать и подрагивать крыльями, но он не может взлететь, не используя магию. Зеленый рогатый дракон, бестолково подпрыгивающий и машущий крыльями, представляет собой весьма комичное зрелище.

Мы с Лорой стоим в стороне и смотрим на все это безобразие. Ей смешно, я тоже начинаю смеяться, глядя на нее. Потом мы прекращаем смеяться и уходим, Сссра увязывается за нами, но сразу теряется.

– Слушай, Лора, – говорю я, – ты не боишься здесь ходить? «Красная Шапочка» вон за тем углом, и у нее весь фасад стеклянный. Если мы будем и дальше идти в ту сторону, через пару минут нас увидит официант.

Лора презрительно фыркнула.

– Ну и пусть увидит! Официант – это бот, он тупой, ему нет дела до нас. У него заложено в программе: увидел фальшивую карточку – вызывай полицию и блокируй выход до появления полицейских. Все остальное его не касается. Кстати, нас вряд ли ищут до сих пор, скорее всего полицейские расценили тот случай как ложную тревогу. Боты регулярно делают подобные глупости.

– Но нас видели люди, другие посетители этого... ресторана, так у вас вроде называются харчевни?

– Да, ресторана. Не думаю, что они смогли бы рассказать полиции что-то интересное. Двое посетителей, один из которых хоббит, пытались обмануть бота, а когда их засекли, воспользовались срочным выходом.

– Но мы не пользовались срочным выходом, я использовал магию.

– Думаешь, это кто-то понял, кроме тебя? Нет, полицейские скорее всего никого даже не допрашивали. Такое у нас происходит сплошь и рядом, на подобные мелочи практически не обращают внимания.

– Фальшивомонетничество – не мелочь!

– В реальном мире – да. А здесь... ну от кого убудет, если мы с тобой посидим в ресторане на халяву? Расслабься, Хэмфаст, нам здесь совершенно ничего не грозит.

За разговором мы подошли к стеклянной стене, с которой улыбалась Красная Шапочка, и я с ужасом понял, что Лора собирается зайти в ресторан.

– Ты бы тело сменила или хотя бы переделась! – запоздало прошипел я.

– Нет смысла. Тогда меня не узнает другая я.

С этими словами Лора вошла внутрь и направилась к тому же столику, который мы занимали в прошлый раз. Но как она собирается расплачиваться?

На этот раз официант подошел практически мгновенно.

– Что будете заказывать? – спросил он хорошо поставленным безжизненным голосом.

Теперь я знаю, почему у него такой безжизненный голос: потому что он бот. И еще я знаю, почему его голос так хорошо звучит: потому что тот, кто придумывал этого бота, потрудился на славу.

– Самое дешевое, что у вас есть. Мы сюда не жрать пришли.

– Это будет стоить четыре доллара на двоих.

На этот раз меня не удивило, почему официант не обиделся. Меня удивило то, что сказала Лора в ответ на его последние слова.

– Дематериализуй его, – обратилась ко мне Лора.

– Но Лора, – возмутился я, даже, пожалуй, не возмутился, а удивился, – но за что? Он ни в чем не виноват, он просто делает свою работу.

– Ты что, боишься? Это же не человек, это просто бот, в том, чтобы его убить, нет ничего плохого.

Я начал выходить из себя.

– Я, между прочим, тоже не человек. Да и ты уже не человек. Мы с тобой боты, забыла? Может, мне лучше тебя убить? В этом тоже, по-твоему, нет ничего плохого?

Официант терпеливо слушал нашу перепалку, и было видно, что ему совершенно все равно, о чем мы говорим. Пока мы не говорим о том, как будем оплачивать заказ, наши слова его не интересуют.

Не знаю, что бы случилось дальше, если бы к нашему столику не подошла юная девушка, почти девочка, лет пят-

надцати, не больше. Маленькая, толстенная и совершенно некрасивая, какая-то вся серая. Увидев ее, Лора так и застыла на месте.

Девочка протянула официанту жетон, тот подержал его в руке, кивнул и удалился. На столе появились три стакана, наполненные бурлящей жижей едко-коричневого цвета, в каждый стакан было вставлено по соломинке.

– Привет... Лора, – сказала девочка.

– Привет... Анна, – отозвалась Лора, и они синхронно хихикнули. Я все понял.

– Ты... это твое настоящее тело? – спросил я, почему-то чувствуя себя неловко.

– Ага, – ответили обе мои собеседницы, переглянулись и снова хихикнули.

– Круто, – сказала Анна. – Как ты ее сделал? – обратилась она ко мне. – Ты, наверное, крутой дровосек.

Странно, что в этом мире лучших магов называют дровосеками. А еще более странно, что большинство даже не задумывается в смысл слова «хакер». И еще непонятно, почему журналы, в которых регистрируются разные события, они называют «логи», то есть поленья.

– Нет, я не хакер, – сказал я. – По крайней мере, не в том смысле, как ты думаешь. И я не делал ее.

– Но как же? – не поняла Анна. – Ты взял меня за руку и исчез, а потом я получаю письмо от самой себя с приглашением в «Красную Шапочку», я прихожу, меня хватают мен-

ты и начинают спрашивать, не я ли пять минут назад пыталась расплатиться своей собственной карточкой, причем поддельной. Я говорю, что у них с головой не все в порядке, а они начинают доказывать, что я здесь была и растворилась в воздухе. Пришлось логи предъявить, только после этого отстали, да и то не сразу. А у тебя хороший бот получился, почти как живой, сразу и не разберешь, что она настоящая.

– Я настоящая! – воскликнула Лора, но Анна только засмеялась.

– А я что говорю? Самая настоящая! Ха-ха-ха!

Я дождался, когда Анна отсмеется, сделал серьезное лицо и начал медленно говорить, стараясь, чтобы каждое слово звучало максимально веско:

– Понимаешь, Анна, Лора на самом деле настоящая. У нее есть душа, и это точная копия твоей души. Это покажется тебе странным и даже невозможным, но не все боты тупые. Кто-то из ваших мудрецов научился создавать полноценные разумные души, и сейчас в Междусетье живут, по крайней мере, шесть разумных ботов.

– Шесть? – удивилась Лора. – А кто шестой?

Я начал перечислять:

– Уриэль, я, Нехалления...

– Нехалления тоже разумная?

Я чуть-чуть обиделся.

– Нет, я, наверное, с говорящей куклой живу! Конечно она разумная!

– Подождите-подождите, – быстро заговорила Анна, – не все сразу. Значит, вы утверждаете, что существуют разумные боты и один из них – моя точная копия. Так?

– Так.

– Лора, когда у меня день рождения?

– Второго апреля.

– В кого я... – начала Анна, но не успела договорить.

– Наша первая любовь – это учитель математики. Ты ведь это хотела спросить?

Анна открыла рот, закрыла и снова открыла.

– Откуда ты знаешь?

– Я все про тебя знаю! – Лора потеряла терпение. – Ты два раза пробовала марихуану, до сих пор не лишилась невинности, хотя подругам говоришь обратное, у тебя бородавка на левой стороне задницы, а ключи от почтового ящика ты забыла на холодильнике.

– А это ты откуда знаешь?

– Да оттуда, что я – это ты, дура! У нас общая память!

– Я про ключи.

– Случайно вспомнила. У него, – она показала пальцем на меня, – дома стоит шкаф, похожий на наш холодильник, его жена на нем какие-то ключи держит. Я как это дело увидела, так и вспомнила.

– Жена... дом... так что, ты все-таки не бот? – обратилась ко мне Анна.

– Я бот, – подтвердил я. – Только в Междусетье есть один

слуга... ну, то есть сервер, где живут разумные боты. Эти боты живут в своем мире примерно так же, как люди живут в том мире, который вы называете реальным. Ты ведь не удивляешься, что у человека может быть жена? Так вот, у бота тоже может быть жена.

Анна надолго замолчала.

– И что теперь? – наконец спросила она, обращаясь к Лоре. – Что теперь с тобой будет? Так и будешь жить в этой стране добрых ботов?

– А что мне еще остается? В реальный мир мне уже не вернуться, вряд ли в ближайшем будущем кто-то придумает, как поместить душу бота в нормальное человеческое тело. Хотя, ты знаешь, жизнь в виртуальных мирах не так уж и плоха. По крайней мере, здесь у меня нормальное тело.

Анна тяжело вздохнула.

– Хорошо тебе, – сказала она. – Хорошо иметь нормальное тело.

Я посчитал своим долгом вмешаться.

– Почему тебе так не нравится твое тело, почтенная Анна? Ты считаешь себя уродиной, но, поверь мне, для этого нет никаких оснований. Да, тебя нельзя назвать красавицей, но...

– Вот именно что нельзя. И никакие «но» уже не имеют значения. Не трудись, хоббит, меня не нужно утешать, я давно привыкла быть такой, какая есть. Кстати, Лора, эта страна ботов, она ведь в сети, правда?

– Ну да, конечно.

– Я могу туда прийти как-нибудь?

– Не стоит. – Я снова вмешался в разговор. – Ты уже пыталась войти в Средиземье, и в момент входа в нашем мире сформировалась Лора. Полагаю, если ты попробуешь попасть туда еще раз, там появится новый бот по имени Анна. Ты уверена, что тебе это нужно?

Анна передернула плечами.

– Да нет, пожалуй, не нужно. А что это вообще за мир такой? Какой сервер его поддерживает?

– Я знаю координаты этого сервера, – сказал я, – но не думаю, что их следует разглашать. Я не уверен, что хозяевам сервера понравится то, что творится в его глубинах.

– Так вы что, собираетесь вечно жить в своей стране и никому ничего не рассказывать? Вы не хотите, чтобы люди узнали о вашем существовании?

– А зачем людям знать о нашем существовании? Какая мне польза от того, что обо мне узнают люди? Никакой пользы, кроме вреда. Ваши маги сразу начнут меня изучать, а я не хочу, чтобы меня изучали. Меня однажды изучали маги Аннуинского университета, и этого мне хватило на всю жизнь.

– Когда это тебя маги изучали? – спросила Лора.

– Была такая история. Тогда Уриэль поставил ловушку Олорину, чтобы получить у него ключ силы... Как-нибудь потом расскажу.

– Если это интересно, – сказала Анна, – можно эту исто-

рию записать и издать в виде книги. Нынче фэнтези снова в моде.

– А кто будет считаться автором? Ты, что ли? – возмутилась Лора.

– Ну а кто же еще? Я, конечно, могу написать в предисловии, что эту историю придумали два бота. – Анна хихикнула. – А что, пожалуй, я так и сделаю.

– Нет уж! – Настала моя очередь возмутиться. Моя жизнь не для того, чтобы быть посмешищем каким-то там людям.

– А для чего? – парировала Анна, и этот вопрос заставил меня задуматься.

– Уриэль говорит, что я просто хоббит, – ответил я. – И Олорин с ним согласен. А какой смысл жизни у простого хоббита? Вырасти, пройти воинское обучение, жениться, наплодить и воспитать детей, строго соблюдать законы Хоббитании... Нет, пожалуй, я не просто хоббит. Раньше я думал, что я герой. У героя другой смысл жизни – совершать подвиги во имя дела света. Только оказалось, что дела света как такового в моем мире нет, а есть просто хоббиты, люди, гномы, еще эльф один, и все живут сами по себе, без всякой цели. Когда-то мне казалось, что смысл жизни в любви к женщине, но выяснилось, что одной только любви мало для счастья, будь иначе, я не отправился бы воевать с мантикорами. Нет, я не знаю, для чего предназначена моя жизнь. А ты можешь сказать, для чего предназначена твоя жизнь?

– Смысл жизни в ней самой, – важно проговорила Анна.

– Ну да, это очень здорово, но какой отсюда следует вывод? Как эту мысль применить к реалиям жизни, к тому, что хорошо и что плохо?

– А никак. То, что можно применить к реалиям, – это совсем другое. Слушай, а у вас, хоббитов, есть религия?

Я отрицательно помотал головой.

– Нет, религии у нас нет. Люди из Аннурра часто говорят, что мы молимся своим законам, но это, конечно, не так.

Анна украдкой взглянула на тонкий браслет на левой руке – я уже узнал, что люди реального мира следят за течением времени с помощью таких браслетов.

– Мне уже пора, – сказала Анна, – льготный лимит вот-вот кончится. Мы еще встретимся?

Лора рассеянно кивнула.

– Почему бы и нет? Давай здесь же, через неделю, в это же время?

– Давай.

И на этом разговор закончился.

14

– Ну Хэмфаст, ну чего тебе стоит, ну пожалуйста, – скулила Лора, но я был непреклонен.

– Нет, Лора, никогда и ни за что. Однажды я поделился с женщиной опытом высшей магии, и это стоило мне жизни.

– Но ты же живой!

– Это Уриэль меня оживил, а та женщина убила, именно тем самым заклинанием, которому я ее научил.

– Но Уриэль же тебя оживил! Если я тебя убью, он снова тебя оживит. Но я же тебя не убью!

– Нет, нет и еще раз нет! Высшая магия – не игрушка, а очень сложная и опасная вещь. Особенно в неумелых и безответственных руках.

– Я не безответственная!

– А кто просил убить официанта? Кто, в конце концов, ломанулся в Средиземье очертя голову? Ты не думала, что можешь попасть в логово людоеда?

– Да ты что? – удивилась Лора, похоже искренне. – В Междусетье такого не бывает. То есть бывает, но, если тебе что-то не нравится, ты просто делаешь срочный выход, и все. Я же не знала, что он может не сработать.

– Теперь знаешь. Нет, Лора, даже не проси, никаких заклинаний я тебе не дам, а будешь дальше канючить – зеркало заблокирую.

Лора немедленно замолкла. Последняя угроза подействовала – неделю назад волшебное зеркало стало любимой игрушкой Лоры и остается ею по сей день. Неудивительно, особенно если учесть, что она никогда не видела артефакта, способного показать любой участок мира во всех подробностях. Да и какого мира! Лора немного рассказала про реальный мир, и то, что я узнал, мне совсем не понравилось. Боевые артефакты, превосходящие в своей чудовищной жестокости

самые мощные яйца феникса. Террористы, несущие страх во имя самых разнообразных целей, и так называемые журналисты, с радостным придыханием распространяющие и усиливающие этот ужас. Обезлюдившие деревни и гигантские человеческие муравейники, которые здесь называют городами, мрачные и унылые, заставленные одинаковыми каменными коробками. Отравленный воздух и отравленные реки, в которых почти не водится рыба. Понятно, почему Лора так восторгается тем, что показывает ей волшебное зеркало, мой первый самолично сотворенный артефакт. А теперь она захотела смотреть на мир не через зеркало, а своими глазами.

Лора покрутилась перед зеркалом (обычным, не волшебным) и осталась довольна собой. А зря. Видно, ее не учили, что истина всегда внутри, иначе поняла бы, что, в какую одежду ни заворачивай прекрасное тело, душа от этого не изменится, а ведь именно душа отличает некрасивую женщину от прекрасной. Даже в самом красивом теле, упакованном в самое великолепное платье, Лора останется обычной девочкой. Доброй, хорошей, но не слишком умной и страдающей множеством душевных заморочек. Но в этом нет ничего страшного, все проходят через это.

Лора поправила бриллиантовые серьги, и мы отправились в Минатор.

– Ух ты! – воскликнула Лора. – Хэмфаст, это правда ты?

– Конечно я, кто же еще?

– Вот это да! Почему ты всегда носишь тело хоббита?

Быть человеком идет тебе гораздо больше.

– Это тебе только кажется. Ты человек и привыкла оценивать окружающих с человеческих позиций, а я хоббит, и для меня нет ничего прекраснее тела хоббита.

– Тогда почему ты превратился в человека?

– Я не превращался в человека, я просто надел человеческое тело. В Минаторе хоббитов не было уже почти сто лет. Когда после Хтонской войны в Могильных Пустошах поселились мантикоры, между Аннуром и Ганнаром остался только один торговый путь, да и тот был слишком опасен, чтобы хоббиты им пользовались.

– Разве хоббиты такие трусы?

– Нет, хоббиты не трусы, в том, чтобы не рисковать собой понапрасну, нет трусости, а есть только благоразумие. Разве собственная жизнь стоит того, чтобы ставить ее на кон за пригоршню золота? К тому же мы, хоббиты, не делаем товаров, которые окупили бы затраты на перевозку в Минатор. Наши овощи продаются в Аннуине, а свинина вообще не переносит долгого путешествия.

– Разве у вас нет холодильников?

– Заклинание холода давно известно, но оно слишком энергоемко, чтобы применяться в быту. Мы привыкли обходиться без холодильников. Да и зачем вообще нужен холодильник? Если ты зарезал свинью, надлежит созвать друзей и устроить пир, а закладывать мясо в холодильник – это как-то...

– По-еврейски? – спросила Лора и засмеялась.

– Чего? – не понял я.

– Да ладно, не бери в голову, это просто дурацкая шутка. А почему мы оказались в лесу? Ты же обещал показать Минатор.

– Не все сразу. Мы не можем просто так взять и пойти по улице.

– Почему?

– Потому что уважаемой и достойной даме не подобает ходить пешком. Ты умеешь ездить верхом?

– Нет.

– Значит, придется сотворить повозку и кучера.

– А кучера зачем?

– Уважаемому и достойному мужчине не подобает управлять повозкой.

– Да ну тебя, Хэмфаст! – Лора почему-то обиделась. – Не подобает то, не подобает се... Тебе не наплевать, что о тебе подумают окружающие?

– Не наплевать. Потому что их косые взгляды и насмешки за спиной испортят все впечатление от прогулки по городу.

Лора заколебалась.

– А этот кучер... он будет бот?

– Естественно, тут же все боты.

– А когда мы вернемся, куда он денется?

– Как куда? Дематериализую вместе с повозкой, и все дела.

– А кто говорил, что убивать ботов нехорошо, а? – спросила Лора, и в ее глазах заплясали озорные искорки.

– Ну... – замылся я, – это, в общем-то, на самом деле нехорошо, но что делать-то? Не переться же пешком!

– А если мы будем изображать не достойных господ, а каких-нибудь крестьян?

– Ты что, с ума сошла? Если мы не заплатим пошлину, нас не пустят в город, а если заплатим, стражники захотят отнять остальное, и придется с ними драться.

– Ну и что? Ты же маг, ты легко победишь любого стражника,

– После чего за нами станет гоняться магическая стража. Нет, так не пойдет.

– Но ты же бывал в больших городах, и к тебе никто не приставал!

– Я всегда одевался как воин, и со мной не было красивой и вызывающе одетой женщины.

– Что вызывающего ты усмотрел в моем наряде?

– Хотя бы ожерелье. Оно, между прочим, стоит столько же, сколько три боевых коня, а то и четыре.

– Ну и что?

– А то, что, когда ты захочешь отойти в сторонку по нужде, мне придется тебя сопровождать, чтобы волки придорожных канав не сняли его с тебя вместе с головой.

– Волки придорожных канав – это бандиты?

– Да, в Минаторе бандиты называют себя волками и бывают трех видов: волки меча и копья, волки плаща и кинжала и волки придорожных канав. Последнее прозвище считается обидным.

– Погоди! Откуда эти самые волки возьмутся в женском туалете?

– А откуда здесь возьмется туалет, тем более женский? У каждого трактира есть навозная куча на заднем дворе, и каждый постоялец добавляет в нее свою долю. Кстати, у твоего платья слишком длинный подол. Загадится.

Лора задумалась.

– Как-то я иначе себе Средиземье представляла. Но как же на картинах все эти эльфийские дамы...

– Ты что, забыла, что находишься в сказке? В сказках все по-другому, чем в жизни.

– Но в этой сказке все как в жизни!

И действительно, эта сказка слишком похожа на жизнь, слишком много горя, крови и глупости. А ведь Красная книга мало чем отличается от обычной сказки, там хорошие персонажи всегда хорошие, плохие персонажи всегда плохие, а сюжетные повороты угадываются страниц за пять. Почему

мир, построенный на Красной книге, так резко отличается от оригинала? Можно подумать, что мир ожил и зажил собственной жизнью, сбросил путы воли автора, пытавшегося заковать целую Вселенную в оковы своих планов и идей. Может, наш мир действительно обрел самостоятельность?

– Ну и что будем делать? – спросил я Лору. – Создавать тебе повозку?

Лора задумалась, но думала она недолго, всего несколько мгновений.

– А можно я буду не прекрасной дамой, а девой-воительницей? – спросила она.

– Ага, и каждый встречный мужчина захочет помериться с тобой силой, а в случае успеха изнасиловать. Ну-ну.

– Но твоя жена рассказывала, что бывала в Минаторе!

– Она не ходила по улицам, она просто однажды посетила картинную галерею. Там безопасно.

– Да ну тебя с твоей картинной галереей! На хрена мне смотреть всякие картины? Я хочу отдохнуть, потанцевать, развеяться!

– Тогда будь готова, что твое развлечение закончится под забором в объятиях пьяного наемника.

– Ты не защитишь меня?

– Один раз защищу, другой раз тоже защищу, а потом надоест. Нет, Лора, посещать злчные места Минатора тебе не следует.

Лора задумчиво потеревила нижнюю губу.

– Ты вроде говорил, что есть такое заклинание, которое перемещает заклинающего туда, куда ему хочется.

– Есть такое заклинание, но тебе я его не дам. Я же говорил, что не буду учить тебя магии.

– Я и не прошу, чтобы ты научил меня этому заклинанию. Будет вполне достаточно артефакта.

Может, и вправду дать ей артефакт, чтобы отстала?

– Ладно, Лора, – сказал я. – Вот тебе артефакт. Когда ты левой рукой сложишь фигу, тут же окажешься в нашей долине. Давай, делай что хочешь, только потом не жалуйся, что тебя обидели.

16

Давненько я не бывал на родине. Сколько уже прошло времени? Меня изгнали в конце осени три тысячи шестого года, а сейчас заканчивается три тысячи восьмой. Два года.

Я материализовался неподалеку от частокола и медленно пошел в сторону ворот. На этот раз я был в теле хоббита.

Через четверть часа я сидел в кресле для почетных гостей своего родного дома, курил свою старую трубку, бережно сохраненную родственниками, наверное, в качестве реликвии, и прихлебывал шиповниковый чай из тяжелой глиняной кружки. Оказывается, я отвык от того, что в мире бывает холодно. Настоящая зима в Хоббитании еще не наступила, но пройдет неделя-другая, и земля покроется искри-

сто-белым одеялом первого снега. Лора говорит, что в реальном мире такого белого снега не бывает, потому что там снег пропитан сажей от магических повозок и гадостью, которую высыпают на дорогу, чтобы эти повозки не скользили. Хорошо, что в Хоббитании таких повозок нет и, наверное, никогда не будет.

– Ну что, Хэмфаст, – спросил Хардинг, когда трубка была докурена, а кружка допита и заменена на другую, с пивом, – ты вернулся в славе?

– Нет, дядя, – ответил я, – я просто соскучился по родной стране и родной норе. Сейчас у меня своя собственная нора в другом мире, но нора, в которой прошло детство, остается родной до конца дней.

– Я рад, что ты понял это, – пророкотал Хардинг, – ты стал мудрым не по годам, приятно сознавать, что я не ошибся, когда пришло время определять твою судьбу.

– Будто у кого-то были сомнения, – вставил Дромадрон.

– Да нет, особых сомнений не было, но все-таки... Впрочем, о чем я говорю... Хэмфаст, ты пришел рассказать о своих подвигах?

– А чего о них рассказывать? Да и какие это подвиги? Ничего выдающегося я так и не совершил.

– Разве истребление мантикор – не твоих рук дело?

– Моих.

– Вот видишь! А ты говорил, не о чем рассказывать! Олесья! Позови сюда Покена, пусть послушает, а потом песню со-

чинит. Должна же у нас быть песня о подвигах шестого героя.

– Да какие это подвиги?... – Я отхлебнул из кружки. – Истребить манतिकор было совсем просто, труднее было разобраться с тем, что потом началось в Аннуре.

– Помню-помню, – покивал Хардинг. – У нас в то время торговля, считай, на нет сошла. Странные дела творятся в мире – стоит только герою избавить страну от одной напасти, сразу же обрушивается другая.

– Какая другая напасть? – не понял я. – Войны же не было, она не успела начаться.

– Не успела... – передразнил меня Хардинг. – Это ты при королевском дворе сказки рассказывай, а я видел зарево своими глазами.

– Какое зарево?

– Над Могильниками. Когда Церн выгнал в Могильники ганнарских урукхаев...

– Урукхаев? В Аннуине все говорили, что это были люди.

– Как же, люди... Стал бы Церн людей на убой гнать. Нет он предложил урукхаям-ревизионистам переселиться на чернозем и еще обещал освобождение от налогов на три года. А вышло – на всю оставшуюся жизнь. Страшное было зрелище: аннурские летчики нарочно метали яйца чуть в сторону, чтобы не просто остекленевшая яма на месте городища осталась, а чтобы потом можно было трупы во всех подробностях рассмотреть и пораскинуть мозгами, сколько времени прошло от бомбардировки до смерти этих несчаст-

ных и что они при этом испытали.

Я многое повидал за последние два года, но от этих слов у меня встал ком в горле.

– Ты сам это видел? – спросил я непослушным голосом.

– Сам – нет. Туда Хронинг ездил с ребятами. Вернулись сумасшедшие, три дня облепиховое вино глушили, пока совсем не опухли. Я их потом полгода в караулы не выставлял, чтобы другим бойцам головы не мутили. Все им хотелось людей резать, чтобы не осталось в мире гадкого племени. А потом ничего, отошли. А ты что, не знал этого?

Я помотал головой.

– Ничего, Хэмфаст, не расстраивайся. Я вот той зимой Оранжевую книгу перечитал, Фолко тоже был палач еще тот. Я так думаю, у каждого героя руки по локоть в крови, просто, пока геройские подвиги живьем не увидишь, об этом не думаешь. И Фродо с товарищами тоже не просто так гулял по Мордору.

– Разве Фродо кого-то убивал? В Красной книге этого нет.

– В Желтой книге тоже ничего не будет про то, как урукхайские младенцы захлебывались плачем от ожогов. Они живучие, оказывается. Хронинг рассказывал, что через десять дней некоторые были еще живы. Станный народ эти орки, непонятно, если вдуматься, почему они все Средиземье еще не завоевали. То есть понятно, конечно, проклятие валаров и все такое, но все равно не верится, что обычное проклятие смогло их остановить.

Я мог бы сказать, что орки не завоевали Средиземье только потому, что не понравились автору Красной книги.

Но тогда пришлось бы объяснять Хардингу, что автор Красной книги вовсе не Мериадок Брендибэк, как думают в нашем клане, и не Неизвестный Герой, как думают все остальные, а обычный человек, ничем не примечательный, кроме того что написал Красную книгу. Нет, пусть лучше мой дядя продолжает пребывать в блаженном неведении.

– Как Гэндальф? – спросил Дромадрон. – Все еще в нашем мире?

– Нет, – я помотал головой, – Гэндальф вместе с Уриэлем сейчас в... в другом мире.

– Уриэль? Имя эльфийское. Это еще кто такой?

– Мой учитель. Я рассказывал про него, когда ты допрашивал меня в хейнбирсе.

– Разве это был не Гэндальф?

– Нет, Гэндальф был тогда в Валиноре. То есть не совсем был... но не суть.

– Так, значит, не все западные эльфы ушли за море? – оживился Дромадрон. – Я всегда подозревал это, не такой они, эльфы, народ, чтобы так просто взять и уйти из-за какого-то там Олмера. Как здорово! Было бы обидно, если бы их магия ушла вместе с ними.

– Их магия ушла вместе с ними, Уриэль – единственный эльф в западном Средиземье. Впрочем, он уже не столько эльф, сколько...

– Человек? – предположил Дромадрон.

– Нет, скорее майар. Уриэль открыл совершенно новый подход к магическим воздействиям на окружающий мир, и сейчас он, пожалуй, превосходит в силе даже Гэндальфа.

– Разве может смертный... ну или даже бессмертный пре-
взойти высшее существо? – не поверил Дромадрон.

– Да разве Олорин – высшее существо?

– Кто?

– Олорин. Это настоящее имя Гэндальфа. Они с Саруманом находились в Средиземье инкогнито и потому назывались другими именами. Так о чем я?.. Олорин – он очень умный, добрый, он владеет многими заклинаниями, но в нем нет ничего существенно превосходящего обычных разумных. Он не всегда владеет собой, иногда впадает в ярость, иногда принимает ошибочные решения. Нет, его никак нельзя назвать высшим существом.

– Но его скилл...

– Когда ты владеешь высшей магией, не важно, какой у тебя скилл. Достаточно, чтобы ты мог пользоваться магическим зрением и совершать простейшие заклинания. Все остальное в высшей магии совершенно по-другому.

– Ты не научишь меня? – спросил Дромадрон и сразу же устыдился вопроса. В прошлый раз я ему отказал, он обиделся и сейчас, кажется, обидится еще раз.

А с другой стороны, почему я не хочу учить Дромадрона высшей магии? Что плохого в том, что в Средиземье бу-

дут жить семеро разумных ботов? Не думаю, что Дромадрон применит новообретенные знания во зло, он настолько уравновешенный и здравомыслящий, насколько разумный вообще может быть таковым. Но я почему-то не хочу учить Дромадрона. Может, дело в том, что раньше он учил меня и, уча своего учителя, я буду чувствовать себя неуютно, буду чувствовать, что делаю что-то противоестественное?

– Нет, Дромадрон, – сказал я. – Я не буду учить тебя высшей магии.

Дромадрон тяжело вздохнул.

– Когда ученик превосходит учителя, он почти всегда отказывается учить того, кто учил его раньше. Что ж, это закон природы. – Я покраснел. – Не смущайся, Хэмфаст, против закона не попрешь. И не волнуйся, я больше не буду просить тебя об этом. По крайней мере, постараюсь не просить.

Дверь открылась, и в комнату ввалился запыхавшийся Покен, лучший менестрель клана, с гуслиями под мышкой. Ну и зачем он припер сюда гусли, ему же предстоит слушать, а не петь! Или ему неправильно передали слова вождя? Но это не важно, на самом деле ему ничего не предстоит.

– Ты зря пришел сюда, Покен, – сказал я, – я не буду ничего рассказывать. Я приду еще раз и вот тогда все расскажу, а пока я еще не готов. Извините. Спасибо за теплый Прием и за угощение, тебе, дядя, тебе, почтенный Дромадрон, и тебе, Олеся. Мне пора.

Дядя проводил меня до ворот, а Дромадрон прошел со

мною чуть дальше, а когда я остановился и обернулся, он сделал движение, как будто хотел по-отечески положить мне руку на плечо, но передумал.

– Тебя что-то гнетет, Хэмфаст, – сказал он. – Поделись со мной, успокой душу.

Некоторое время я молчал, а потом заговорил.

– Представь себе, Дромадрон, – начал я, – что ты обнаружил убедительные доказательства того факта, что Красная книга не описывает реальные события, а выдумана от начала до конца.

– Невозможно! Если не верить в Красную книгу, то во что тогда верить?

– Вот и я спрашиваю: во что?

Дромадрон нахмурился, постоял неподвижно, а потом тихо спросил:

– Доказательства убедительные?

– Убедительнее не бывает.

– Хреново...

Он помолчал еще с минуту, а потом вдруг рассмеялся и сказал:

– А знаешь, Хэмфаст, не так уж это и хреново! Кто-то из аннурских философов говорил, что, если бы Красной книги не было, ее стоило бы выдумать. Какая разница, происходили эти события в действительности или нет? Пусть они происходили только в книге, но ведь книга – тоже часть реального мира, и она способна изменить мир несколько не меньше,

чем реальные события. Не бери в голову! Живи, как будто все было так, как написано, ведь законы Красной книги справедливы не потому, что они когда-то были сформулированы в торжественной обстановке, а потому, что они справедливы. Только молодым хоббитам о своем открытии не рассказывай, они не поймут. Бывает у незрелых разумов одна заморочка: если нет высших сил, то все позволено. Высшие силы, конечно, есть...

– А если нет?

– Как это нет? Хэмфаст, ты заговариваешься! Куда же тогда делся Эру Илуватар?

– Его никогда не было.

– А кто сотворил наш мир?

– Жители иного мира. Люди.

– Люди? Сотворили мир? Не смей меня! Если бы это были хотя бы эльфы...

– В реальном мире живут только люди. Эльфы, гномы и орки – персонажи их сказок. Красная книга – роман в стиле фэнтези. Нас, хоббитов, придумал тот самый человек, который написал Красную книгу. А наш мир они сотворили скорее всего для развлечения. Полагаю, им было интересно посмотреть, что будет дальше, после того как книга закончилась.

Дромадрон смотрел на меня как на ненормального, но, странное дело, мне стало легче. Видно, не зря среди орков принято исповедоваться друг другу перед боем. Действи-

тельно, выговоришься, и на душе спокойнее.

– До встречи, Дромадрон! – сказал я. – Я еще вернусь. Скорее всего.

И я растворился в воздухе.

17

Я нашел Мезонию в Минаторе. Теперь ее звали Никра, и выглядела она совершенно по-другому: магия не только изменила черты лица и фигуру, но даже уменьшила субъективный возраст лет примерно на семь. Страшно даже представить себе, сколь энергоемким было заклинание, надеюсь, что маги Утренней Звезды сумели обойтись без жертвоприношений.

Мезония сразу узнала меня, и это неудивительно, ведь я выглядел так же, как при нашем знакомстве, и так же походил на Саурана. Едва я вошел в дорогой и фешенебельный трактир в центре города, где она изволила обедать, как ее телохранитель, явно не из ковена, а обычный наемник, – дернулся наперерез, но Мезония остановила его коротким жестом. Телохранитель не успокоился, он непрерывно буравил меня взглядом, пытаясь понять, что делает рядом с его хозяйкой лощеный хлыщ демонической внешности, с повадками воина, но почти без оружия.

– Привет, Мезония! – сказал я.

– Ты ошибся, Хэмфаст, меня зовут Никра. – Она улыбну-

лась. – Но все равно привет тебе! Я рада, что ты жив, у нас говорили, что Леверлин тебя убил.

– Так и есть, Леверлин меня убил, а Уриэль потом оживил.

– Об этом тоже говорили. Как ты меня узнал?

– Я же маг.

– Понятно... Слушай, Хэмфаст, ты все еще борешься за мир?

Я отметил, что она поставила вокруг стола магический барьер, делающий наш разговор абсолютно неслышимым для окружающих.

– Нет, Мезония, то есть Никра, я больше не занимаюсь борьбой за мир. Это была просто точка приложения силы начинающего мага, а потом маг повзрослел, и оказалось, что во Вселенной много других куда более серьезных проблем.

– Наконец-то дошло. – Мезония улыбнулась, и сразу стало ясно, что маска несмышленной девицы – всего лишь маска.

– Ты неправильно улыбаешься, – сказал я, – твоя улыбка моментально раскрывает инкогнито.

Мезония беспечно взмахнула рукой.

– Ерунда. Разве ты не чувствуешь барьера вокруг нас?

– Чувствую. Но, по-моему, он не действует на зрительный ряд.

– Присмотрись повнимательнее.

Я попытался было присмотреться, но тоже махнул рукой, только мысленно.

– Да ну тебя! – сказал я. – Больше мне делать нечего, кро-

ме как исследовать твои заклинания. Лучше расскажи, как дела.

– Нормально. – Лицо Мезонии внезапно сделалось серьезным и каким-то жестким. – Спиногрыза убили хазги, ты знаешь?

– Откуда?

– И то верно. Нам с Оккамом повезло больше, жребий задержать погоню выпал Спиногрызу. Мы сумели скрыться. Там было море крови и ужаса, все сражались против и никто точно не знал, за что сражается. А потом, казалось, наступает конец Эпохи, явился председатель и сказал, что война проиграна. А в остальном все нормально.

– Любая война состоит в основном из крови и ужаса. Только в сказках войны состоят из подвигов и славы.

– Это понятно, – вздохнула Мезония. – Ну как, ты доволен, что развязал войну?

– Это не я. Гней Рыболов восстал бы в любом случае.

– И немедленно скончался бы от трагической случайности. Нет, Хэмфаст, то, что восстание короля победило, – твоя заслуга на все сто.

– Не на все сто. Я ведь только начал войну, закончил ее Уриэль.

– Значит, твоя и Уриэля заслуга. Ты доволен?

– Ну да. Что плохого в том, что власть вернулась к законному правителю?

– То, что власть ушла от более достойного. Или ты счита-

ешь, что Гней умнее Леверлина?

Я помотал головой.

– А зачем ты тогда устроил весь этот бардак? Ты хотел истребить фениксов – и что? Ты их истребил?

– Нет.

– И зачем была нужна вся эта кровь? Потренироваться в магии? Набрать скилла?

И я понял, что Мезония права. Я действительно хотел изгнать Средиземье от потенциальных ужасов массового уничтожения, но это никогда не было моей *главной* целью. Начинаящий маг прочитал все, что смог прочесть, понять и осмыслить, захотел применить знания на практике и бросил все свои силы на алтарь первого попавшегося доброго дела. Получилось совсем не то, что задумывалось, но основная цель достигнута, маг приобрел практический опыт – то, что невозможно почерпнуть из книг. Маг вырос и теперь с улыбкой смотрит на свои детские забавы, как и положено на них смотреть. Вот только детские забавы оказались слишком кровавыми.

– Ты давно был в Аннуре? – спросила Мезония.

– Ни разу с тех пор, как меня убили.

– Зря. Мог бы полюбоваться на дело рук своих. Сейчас почти все уже восстановлено, но, если расспросить увечных нищих у храмов, можно узнать много интересного о твоих подвигах. Но что тебе с того? Никто не знает, кто виноват в том, что случилось, ведь ты творил свои дела не на глазах

у народа.

– Неужели все так плохо? Да, во главе государства встал король, я допускаю, что он не так умен, как Леверлин, но он далеко не глуп, он вполне достойный правитель.

– Достойный правитель не восходит на трон по костям подданных. Достойный правитель не приказывает летчикам сжигать женщин и детей на медленном огне.

– Это ты про Могильники?

– Так ты знаешь про это? Знаешь и все равно говоришь, что все хорошо?

– Великие дела не проходят гладко. Да, было много горя и крови, но теперь все позади. Аннур избавился от тирании ковенов...

– Тирании? Где ты видел тиранию?

– В «Четырех псах». Помнишь, как хозяин лебезил перед нами? Ты считаешь такое положение дел в порядке вещей?

– Конечно. Тот, кто сильнее других, вправе требовать к себе уважения. Не обязательно пресмыкаться перед сильным, но выразить ему уважение можно и должно. Как может быть иначе?

– В Хоббитании никто не требует к себе какого-то особого уважения, каждый получает должное в соответствии с заслугами. И у нас ценят не столько силу, сколько мудрость и доброту.

– Без мудрости не бывает настоящей силы. И без доброты тоже, даже Моргот был добр к своим оркам. По-своему,

конечно.

– Едва ли это можно назвать добротой.

– А что, по-твоему, любая доброта сводится к сюсюканью? В чем истинная доброта – дать нищему рыбы, чтобы насытился, или научить ловить рыбу его самого? Что правильнее – оберегать того, кого любишь, от любых невзгод, или помочь ему обрести такую силу, чтобы не замечать невзгоды? Нет, почтенный хоббит, не надо мерить всех мерками твоего народа. Мы, люди, предпочитаем не прятаться от опасности в дремучих лесах, а идти навстречу тому, что может представлять угрозу. И если ты ушел по этому пути достаточно далеко, мало что сможет поколебать твою жизнь. И тогда ты вправе требовать уважения к себе от тех, кто слишком слаб, глуп или труслив, чтобы выйти навстречу ветру.

– Все это правильно, Мезония, но тот, кто ушел навстречу ветру чуть дальше, чем ты, уже не требует уважения от других разумных. Пусть перед тобой не склоняют головы, пусть тебе не говорят, какой ты крутой, но ты понимаешь, что ты крутой, и какое тебе дело до того, что думают другие? Истинное уважение всегда внутри, только ребенок нуждается в похвалах взрослых. Да ты и сама все понимаешь, иначе не сидела бы здесь в облике дорогой шлюхи.

– То, почему я здесь сижу и в каком облике я здесь сижу, это только мое дело, – вскинулась Мезония, – и не тебе рассуждать о моих действиях.

– А чего тут рассуждать? И так все ясно. Ты на зада-

нии, Леверлин отправил тебя в Минатор, чтобы... Даже не знаю... Да какая разница?

– Для тебя – никакой, – отрезала Мезония. – Ты говоришь, истинное уважение внутри, да, ты прав, но так обстоят дела только в отношении нас с тобой, а как насчет этих смердов? – Она обвела зал рукой. – Думаешь, они понимают, что такое внутренняя сила? Нет, Хэмфаст, если ты не бьешь их по морде, они смеются за твоей спиной. А если ты продолжаешь их не бить, они начинают бить тебя, а когда ты воздаешь им по заслугам, они обижаются. Как же так, говорят они, он вел себя как слабый дурак, а на самом деле оказался сильным и опасным! Он провоцировал нас! Он вел себя неправильно! И тогда тебя окружает толпа смердов с копьями, топорами и ржавыми мечами, и ты идешь по крови и костям. Навстречу своему ветру.

Воцарилось тягостное молчание. Видно, мое лицо выражало что-то отдаленно похожее на раскаяние, потому что Мезония решила сменить гнев на милость.

– Ладно, Хэмфаст, не расстраивайся. Несмотря ни на что, ты хотел как лучше. Только на этот раз не руби сплеча, это подобает дровосеку, а не воину и тем более не магу

Я усмехнулся. Дровосеку. Хорошо сказано! Один дровосек рубанул сплеча – и возникло Средиземье. Другой взмахнул топором – и в Средиземье вполз червь, который сбросил шкуру и стал эльфом по имени Уриэль. А потом рубить уже не понадобилось.

– Кое-кто уже нарубил, – сказал я. Мезония мгновенно насторожилась.

– Кто? Что? Произошло что-то важное? Ты поэтому вернулся? Гней уже готов начинать вторжение?

– Какое вторжение? Куда?

– Как куда? В Морию, конечно! Ты что, на самом деле ничего не знаешь?

И Мезония начала рассказывать, что произошло в Аннуре и его окрестностях за время моего отсутствия. Первое время Гней Рыболов пребывал в непрекращающемся восторге от того, что он теперь не номинальный правитель, а самый что ни есть реальный. Он непрерывно проводил заседания государственного совета, на которых обсуждались разные животрепещущие вопросы. Разрешать ли женам купцов второй гильдии носить третью нижнюю юбку? Не поднять ли акцизы на мордорские алкогольные напитки, дабы поддержать отечественного производителя? Сколько выделить денег на празднества по случаю летнего солнцестояния и на что конкретно выделенные средства потратить?

Потом Великий Король решил заняться более серьезными делами. Он основал при университете школу юных магов, поступить в которую имел право любой мальчик или юноша. Когда оказалось, что в первом наборе большинство составили юные аннуинские бродяги, Гней сначала расстроился, а потом воспрял духом и сказал, что будущее аннурской магии будет выковано из отбросов и что в этом нет ничего плохого,

и повторял эти слова до тех пор, пока восемь десятков будущих магов не отравились маковой соломкой, которую сами синтезировали в алхимической лаборатории. Тогда Гней сказал председателям ковенов, чтобы они сами заботились о смене поколений, и охладел к будущему магии Аннура.

Чрезвычайное происшествие в магической школе подбросило королю другую великую идею. Он объявил настоящую войну торговцам наркотиками: разумных, уличенных в этом преступлении, по специальному указу варили живьем в котлах по всему столичному городу. Аннуинская чернь получила бесплатное развлечение, а агентурная сеть Леверлина в Полночной Орде осталась без финансирования и связи, потому что все до единого курьеры оказались сварены. Другой неприятный момент имел место, когда в церемониальной карете морийского посла была обнаружена крупнейшая за всю историю Аннуина партия желтой пылицы – только чудом Леверлин сумел замять дело. Избиение наркоторговцев длилось около месяца, а следующие три месяца ночной Аннуин потрясали столкновения уличных банд, которых ковены спешно лишили покровительства, опасаясь попасть под горячую королевскую руку. Когда мир между бандами был восстановлен, оборот наркотиков тоже восстановился, но теперь государственная власть утратила всякое влияние на данный процесс.

Гней все-таки узнал про неблагоприятный бизнес почтенного гнома Миглоса и разразился гневной дипломатической

нотой, которую Каменный Престол предпочел проигнорировать, но это мало помогло. Тучи стали сгущаться над Морией. Леверлин получил задание в течение года разработать и представить пред королевские очи синтетического барлога, а заодно яйца феникса направленного действия весом от пяти до двадцати фунтов. Авиация отрабатывала маневры на предельно малой высоте в горной местности, спецназ срочно обучался технике боя в узких пещерных проходах, даже в Хоббитанию направились эмиссары, пытавшиеся тайно вербовать хоббитов. Гней, будучи человеком образованным, прекрасно помнил, как хорошо проявил себя в орочьих пещерах Бильбо Бэггинс.

Каменный Престол обеспокоен. Торговля с Морией практически прекратилась, сельское хозяйство Аннура несет огромные убытки, а сельское хозяйство Дейла и Мордора получает соответствующие прибыли. На улицах Минатора во множестве появились гномы, одетые как купцы, но подозрительно похожие повадками на армейских тыловиков. Что они тут делают – ежу ясно: закупают оружие. Я не сомневаюсь, что Мезония прекрасно знает об этом, но она не сказала мне, а я не стал спрашивать. Пока это еще не мое дело. Пока?

Я дождался, когда Мезония закончит рассказ, и сказал:

– Знаешь, Мезония, а ведь высших сил нет.

– Каких высших сил?

– Валаров, майаров, Эру Илуватара.

– Как это нет? Куда они делись? Ты что, их тоже перебил?

Нет, Хэмфаст, ты уж извини, в это я не поверю!

– И правильно сделаешь. Я не перебил их, их просто никогда не было.

– А как же Красная книга?

– Художественное произведение.

– А башня Ортханка?

– Существует в мире с момента сотворения.

– И Моргота тоже нет?

– Тоже нет.

– Ерунда!

Я пожал плечами.

– Считай, что существуют неопровержимые доказательства.

– Какие?

– Так сразу не сформулируешь. Считай, что они есть.

– Ну, допустим, есть. Ну и что?

– Как что? Это все, что ты можешь сказать по этому поводу?

– А что тут еще скажешь? Какое мне дело для высших сил? Если я чем-то привлеку их внимание, они сделают со мной все, что захотят, но я не слышала, чтобы они часто обращали внимание на простых смертных. Мне не важно, есть ли где-то высшие силы или нет, я живу так, как считаю нужным. Я сама составляю законы для себя. Ты удивлен?

– Как тебе сказать... Я говорил на эту тему с одним хоббичьим визардом, он сказал то же самое, что и ты. Только

мотивировал по-другому.

– Вроде того что законы остаются законами, даже если не осталось законодателей?

– Да. Но есть еще кое-что. Что ты скажешь, если узнаешь, что наш мир сотворен обычными людьми из другого мира, причем сотворен скорее всего просто так, ради развлечения?

– Весь мир? Не верю. Обычному магу не под силу сотворить весь мир со всеми морями, цветами, зверями, хоббитами... Нет, это совершенно исключено.

– Я могу в общих чертах обрисовать технологию, но это займет слишком много времени. Просто поверь, что это возможно.

– Ну допустим... А какое мне дело до того, как, кем, зачем и с какого бодуна сотворен мой мир, если я внутри него? Если бы я могла выйти наружу и увидеть своими глазами другой мир, взглянуть в лицо человеку, придумавшему меня ради забавы...

– Это возможно.

– Ты был там?

– Там – нет. Таким существам, как мы с тобой, нет доступа в так называемый реальный мир, но ближайшие его окрестности дают о нем довольно полное представление. Гадкий мир, надо сказать. Один человек придумал красивую сказку, которая известна нам как Красная книга. Другой человек, тоже самый обычный, продолжил ее, и появилась на свет Оранжевая книга. А потом третьему человеку захотелось по-

смотреть, что могло бы произойти, если бы мир Средиземья стал живым, и он сотворил наш мир. Тот самый мир, где мы сейчас разговариваем. Может быть, наш мир сотворил не один человек, может, их было несколько, может, их целью был не праздный интерес, а что-то другое, не знаю. Главное то, что наш мир – не более чем игра.

– Ты давно узнал это?

– Пару месяцев назад.

– И молчал все это время? Дурак! Сейчас я свяжусь с председателем, и лучшие бойцы восьми ковеннов встанут под твоё знамя.

– Зачем?

– Что зачем?

– Зачем вставать под мое знамя?

– Как зачем? Если наш мир – игрушка, то тем, в чьи лица дует ветер, больше нечего делать в этом мире, мы не играем в игрушки. Да и твой путь тоже ведет в царство реальности, разве ты не чувствуешь?

– Но не все же навстречу ветру?

– Ты сам делаешь выбор. Хочешь быть слабым и глупым – иди в степь, наслаждайся желтой пылью. Видишь свое счастье в счастье тех, кого любишь, – значит тебе незачем куда-либо идти, хижина смерда ждет тебя, трудись, приноси счастье. Ну или бордель! – Мезония хихикнула. – Твой путь может никуда не вести, ты можешь просто брести куда глаза глядят и наслаждаться видом окрестностей. Это путь ар-

тиста, ученого, в какой-то степени путь мага. А можно идти туда, откуда дует ветер, и отточить в потоке ветра свое "я", и обрести великую силу.

– Зачем?

– Зачем обретать великую силу? Затем, что таков мой путь. И твой путь, между прочим, иначе ты не стал бы возносить на престол Гнея.

– Иногда я жалею об этом. Верешь?

– Верю. Но почему иногда?

– До нашего разговора я считал, что революция в Аннуре принесла объективное благо.

– Я понимаю. Я спрашиваю, почему *иногда!* У тебя нет четкого мнения на этот счет?

Я виновато покачал головой.

– Нет. Пока еще нет.

– До сих пор? Ты считаешь, что то, что там творится, – нормально? Или ты не веришь мне?

– Верю. У меня нет оснований не верить тебе. Но ты правильно отметила, я начал ту революцию не потому, что хотел добиться счастья и справедливости сразу и для всех. Тогда я думал именно так, но теперь понимаю, что просто хотел стать сильнее. Я искал ветра, который подует в лицо. Ветер подул и сбил меня с ног, но Уриэль помог мне встать, и в конечном итоге я стал сильнее.

– Вот видишь! Ты понял, что путь силы – твой путь.

– Не уверен. Я обрел силу и думаю: стоило ли?

– Не готов брать на себя ответственность?

– Нет, дело не в этом. Дело в том, что, идя этим путем, я несу горе и разрушение. Я убил Никанора...

– Ты говорил, его убили мантикоры!

– Да, его убили мантикоры, но, если бы не я, они бы его не убили. Я спровоцировал смерть Никанора и еще двух магов, я развязал гражданскую войну в Аннуре, я убил Оберика...

– Это еще кто?

– Один из верховных властителей мира, именуемого Арканус. Да, я расту, становлюсь сильнее, мудрее, может, даже добрее, но я сею зло вокруг себя. И я думаю: нужно ли мне это?

– Раз ты продолжаешь идти тем же путем, значит, нужно. А если решишь, что не нужно, – найди себе маленький уютный мирок, заведи жену, а лучше две-три, нарожай детей... Только что ты им скажешь, когда они вырастут?

– У меня уже есть маленький уютный мирок. У меня есть жена, и моему сыну уже полтора года. Я пытался идти этим путем.

– Тогда почему ты колеблешься? Ты выбрал путь, так имей мужество признаться в этом хотя бы самому себе! И не скули, когда приходится убивать, чтобы выжить. Когда ты убиваешь зверя, чтобы насытить свое тело, ты же не терзаешься муками совести! Тогда почему ты страдаешь, когда приходится убивать ради души?

– Неужели разумная душа не может расти без жертвопри-

ношений?

– Душа воина – нет.

– Тогда зачем становиться воином?

– Путь воина дает силу и мудрость, а сила и мудрость приносят славу и уважение. Если все перечисленные вещи ничего не значат для тебя, тебе незачем становиться воином. Но, сдаётся мне, ты давно выбрал путь. Ты просто пытаешься, как говорят мои новые подруги, – Мезония улыбнулась, – и на кол сесть, и рыбку съесть. Это скоро пройдет. Но ты говорил про реальный мир. В отношении него ты тоже колеблешься? Боишься вмешаться, чтобы не получилось, как в Аннуре? Так?

Я соорудил неопределённую гримасу. По всему выходит, что так.

– Возьми меня с собой! – горячо воскликнула Мезония. – Я не буду тебе обузой, я сильнее, чем кажусь, я, конечно, не обладаю высшей магией, но я вхожу в первую десятку боевых магов Аннура.

– Традиционная магия Средиземья не действует за его пределами.

– Ну и хрен с ней! Я хороший боец, я могу действовать и без магии. Я могу командовать сотней, я прошла необходимое обучение. Я могу быть твоим тайным агентом, я умею совершать диверсии, я готова убивать ради тебя!

– Ради меня или ради того, чтобы пройти по пути чуть дальше других?

– Я не могу идти дальше без тебя. Значит, ради тебя.

– Знаешь, Мезония, сдается мне, что, когда уходишь по нашему с тобой пути совсем далеко, понимаешь, что ветер в лицо уже утомляет. Да, ты можешь вырасти до уровня май-ара, но что дальше? Чего стоит сила, приносящая так много зла? И чего стоит сила, которую нельзя применять, потому что каждое ее применение умножает зло?

– Добро не приходит само по себе. Никанор считал, что во Вселенной действует закон сохранения добра и зла, что каждое доброе дело приносит кому-то зло и наоборот. Дерево, которое растет быстрее других, затеняет соседей, но какое ему дело до этого? Они тоже могли вырасти, и дерево не виновато, что они выбрали другой путь. Или что им не повезло.

– Значит, ты считаешь, что все нормально? Что я могу спокойно наращивать силу, не думая о последствиях?

– Не думая о последствиях сверх необходимого. Не нужно уподобляться Морготу, который, стремясь к власти, вообще ни о чем другом не думал.

– Моргот никогда не существовал, его придумали вместе с книгами Радужной серии.

– Все равно не уподобляйся ему. Не обижай других, если не уверен, что без этого нельзя обойтись. А если кого обидел, не терзайся муками совести, это все равно тебе не поможет. Так ты позволишь мне пойти с тобой?

Пойти со мной? А почему бы и нет? Тем более что я даже

без высшей математики вижу, что на сервере появился новый субъект.

18

– Зачем ты притащил сюда эту дуру? – спросил Уриэль. – Решил стать богом, начал получать удовольствие от поклонения окружающих?

– Я для нее не объект поклонения, – возразил я. – Она не преклоняется передо мной, она просто использует меня для обретения силы.

– Какой еще силы?

– Просто силы, силы вообще. Для нее нет разницы, что тренировать: мускулы, мозги или магию. Главное – рост. Рост личности. А все остальное не важно.

– Оригинальная философия, – хмыкнул Уриэль. – А на хрена все-таки ты ее сюда притащил? Росла бы себе на исторической родине, никому бы не мешала.

– А чем она тебе мешает?

Уриэль вздохнул.

– Как думаешь, Хэмфаст, – спросил он, – сколько субъектов может выдержать один сервер?

Вопрос застал меня врасплох.

– И сколько? – спросил я, чувствуя, что, каким бы ни был ответ, он мне не понравится. Но я ошибся.

– Не знаю, – сказал Уриэль, – и, честно говоря, даже не

хочу знать. Но я уверен, что это число конечно. И чем больше разумных ты делаешь субъектами, тем ближе становится день, когда сервер больше не сможет поддерживать жизнь всей этой оравы.

– И что тогда будет?

– Понятия не имею. И хотел бы никогда не узнать этого. О чем ты думаешь, Хэмфаст? Мне в любом случае ничего не грозит, я выживу, даже если погибнет все Средиземье. А у Долгаста, например, нет никаких шансов. Ты о нем подумал?

О нем я не подумал.

– И что теперь делать? – спросил я.

– Что-что... Не убивать же ее теперь! Постарайся больше не создавать новых субъектов без крайней необходимости. Насколько я разобрался в ситуации, первым признаком переполнения сервера будет замедленная реакция на вход из другого мира, а пока пещера Орлангура нормально функционирует, думаю, бояться нечего.

– В пещере Орлангура все нормально. Думаешь, опасности пока нет?

– Пока – нет. Но возвращать Мезонию в Средиземье не стоит.

– Почему?

– Потому что каждый субъект обладает свойством плодить новых субъектов. Не забыл?

– Забыл.

– То-то же.

– Так что с ней теперь делать?

– Ничего не делать. Пусть бродит по Междусетью, можешь запустить ее в Миррор, а в Средиземье ей делать нечего. Пусть растет, как хочет и куда хочет. Хэмфаст! Что с тобой происходит? Ну зачем ты поперся в Минатор, зачем ты разговаривал с этой бабой? Ты хоть понимаешь, что Натка по сравнению с ней безобидная голубка?

– Почему же?

– Да потому! Натка просто замученная дура, которая захотела стать властительницей четверти Аркануса и стала ею и теперь радуется, и больше ничего ей не надо. А Мезония не остановится никогда, ей, видите ли, надо расти. Тьфу!

– А ты, Уриэль, считаешь, что расти не надо?

– Расти надо. Только расти надо не для того, чтобы расти, а для того, чтобы делать что-то полезное. Когда ты занимаешься достойным делом, ты растешь, и не надо прилагать к себе какие-то особые усилия. А если расти ради роста... В реальном мире живет мужчина по имени Арнольд... Не видел?

– Нет.

– Ну смотри. – Уриэль развернул перед моим магическим зрением изображение этого Арнольда. Однако...

– Вот человек – рос, рос и вырос. Оно тебе надо, так вырасти?

– Думаешь, Мезония из той же серии?

– Можешь не сомневаться. Ладно, расслабься, что сдела-

но, того не воротишь. Лучше смотри сюда.

– Это еще что такое?

– Заклинание. Работает примерно в половине миров Междусетья. Вызываешь и получаешь ключ силы с полномочиями майара данного мира.

– Круто! Как ты сумел?

– Элементарно. Ядро заклинания то же самое, которым я утащил ключ силы у Олорина. Главная проблема тогда была вызвать в мир майара, но в других мирах эта проблема не стоит, туда регулярно заходят разные деятели с достаточными полномочиями. Я запустил в сеть один артефакт, он отправляет свои копии в разные миры и в каждом мире ставит ловушку, такую же как я ставил на Олорина. В общем, теперь ты можешь делать почти все почти везде.

– Здорово! Чем будешь дальше заниматься?

– Попытаюсь разобраться, что представляет собой наш родной мир, если смотреть извне. Слишком много в нем загадок. Ты не бывал в других Средиземьях?

– Нет.

– Как-нибудь сходи. Дешевый аттракцион с тупыми ботами, как в балагане на ярмарке. А наш мир живой, его жители практически неотличимы от нормальных разумных существ.

– Они и есть нормальные разумные существа!

– Вот именно. Почему наши боты – нормальные разумные существа?

– Не только наши. В Арканусе...

– На Арканусе тоже. Но Арканус во всех других отношениях совершенно понятный мир. Это стратегическая игра, игрок управляет государством в мире, основанном на фэнтези. Хозяева – боты, которыми управляют либо игроки, либо сам сервер.

– Но хозяева Аркануса разумны! Да и жители тоже.

– Именно. Чем отличаются наши миры от остальных миров Междусетья? Почему именно у нас заработал искусственный интеллект? Это главная загадка Средиземья, но не единственная. Откуда взялся я? Почему я стал эльфом, а не человеком и не хоббитом? Почему высшая магия открылась именно мне? Почему Олорин помнит то, чего не было ни в одной из книг о Средиземье? Куда ушел Орлангур? Что это за Великая Сфера? Ясно, что это какой-то сервер Междусетья, но какой? Кстати, наш сервер расположен очень специфически, я на днях набрел на одну библиотеку, сейчас читаю про огненные стены. Похоже, что вокруг Средиземья кто-то выстроил по меньшей мере два тройных периметра. Зачем? Ладно, придет время, разберемся.

– Ты прямо как слоненок из сказки, – усмехнулся я неожиданно для самого себя. – Лора говорила, в реальном мире есть сказка про любопытного слоненка. Слоненок – это такое животное...

– Да, знаю, – перебил меня Уриэль, – она и меня этим грузила. Где она, кстати?

– В Минаторе. Наслаждается ожившим фэнтези.

– Ты ее одну туда отпустил?

– Я дал ей артефакт для возвращения. На всякий случай.

– Она еще не вернулась? Странно. Не убили ее там, не проверял?

– Не проверял. Мне тоже странно, я думал, она уже через час прибежит домой в слезах и изнасилованная. Надо как-нибудь заглянуть, посмотреть, что с ней творится.

– При случае загляни. А сейчас лучше не отходи от Мезонии, пока она не разберется, что к чему. А то вляпается в какую-нибудь историю...

– Вряд ли, она девица неглупая.

– Это точно, девица она неглупая. Потому и присматривай за ней.

19

– Слушай, Хэмфаст, ну почему все местные люди такие идиоты?

– Это не люди, Мезония, это боты, такие же виртуальные существа, как мы. А люди здесь почти нормальные.

– Я бы не сказала.

– Ты никак не поймешь, что для них это не родной мир. Они выбираютя сюда для развлечения, это просто огромный балаган. А в балаганах разумные редко ведут себя разумно.

– Все равно. Настоящий воин похож на воина даже в ба-

лагане, а эти...

– Не мерь их мир своими мерками. Это у нас воин – одно из самых почетных занятий, а у них военных кое-кто даже презирает.

– Глупость какая!

– Да, глупость. А они считают глупостью то, что у нас нет чистых отхожих мест с водяным сливом.

– Какая разница, куда срать?

– А они говорят, что не важно, окружены воины почетом или презрением.

– Но это же совершенно разные вещи!

– Да, совершенно разные. Для тебя важно одно, для них – другое. Пойми, они другие, совсем другие.

– Это я уже поняла. Они – просто стадо, лишённое всякого представления о чести. Ты видел, что написано на вывеске за углом?

– Видел. Там бордель и вывеска соответствующая.

– Хрен с ним, с борделем, но ты видел, что именно там предлагают посетителям?

– Видел. Гадость.

– Ты так спокойно говоришь об этом? Вы же, хоббиты, всегда были против разврата!

– Я уже не совсем хоббит, родной клан объявил меня вне закона.

– А кто ты теперь, человек? Или майяр?

– Олорин говорил, что я стал больше похож на майяра,

чем на смертного. Интересно, кстати, куда Олорин подевался, надо бы его проведать при случае... Ладно, допустим, местные люди – глупое стадо. Что дальше?

– Как что? Им необходим тот, кто построит их и поведет на водопой или куда-нибудь еще.

– Это ты на себя намекаешь?

– А хотя бы и на себя! Чем я хуже этого, как его... Джона Груша! Даже наш Гней, когда разговаривал с мордорским таном, не догадался спросить, живут ли у них гоблины.

– Уже успела газеты почитать?

– Как видишь. Слушай, Хэмфаст, я не могу поверить, что *они* придумали *меня*. Ты уверен, что это *их* мир настоящий?

– Абсолютно. Каким бы невозможным это ни казалось, именно они придумали нас. Только учти, что мудрецы по балаганам не ходят.

– Странно... Странно и глупо. Целый мир смердов. Никакого понятия о чести, никакой дисциплины, в конце концов. Я выхожу на улицу, и каждый пятый встречный предлагает мне с ним переспать.

– А ты никогда не ходила по ярмарке в вызывающей одежде?

Мезония резко вскинула голову:

– Я воин, а не шлюха!

– Значит, не ходила, и потому это чувство тебе внове. Здесь тебя воспринимают... Нет, не как шлюху, скорее как девушку, которая не прочь поразвлечься.

– Почему?!

– Ты красива, хорошо одета, не шарахаешься от встречаемых мужчин, явно не спешишь ни по каким делам. Почему бы с тобой не познакомиться? Пойми, все вокруг – нереальный мир, это как карнавал, где каждый играет какую-то роль, ту роль, которая больше подходит к душе. Прыщавый юнец, которому в реальном мире не улыбнется ни одна гуляющая девка, надевает тело красавца-мужчины и пристает ко всем встречным женского пола. Некрасивая девчонка одевается красавицей и соблазняет каждого встречного. Это игра, здесь играют в жизнь. И они не виноваты, что ты не вписываешься в правила игры.

– Ты говорил, что наш мир – игра, а то, что вокруг нас, – самое лучшее приближение к реальному миру, которое мы можем достичь. А мне кажется, что мое Средиземье – единственно реальный мир, потому что он единственно нормальный.

– Родной мир всегда кажется единственно нормальным.

– Но, Хэмфаст, Средиземье – это и твоя родина! Почему же ты утверждаешь, что все обстоит так, как ты говоришь?

– Потому что истина чаще всего похожа на бред сумасшедшего. То, что на первый взгляд кажется совершенно естественным, на второй взгляд оказывается клубком глубоких и неразрешимых противоречий. Если бы ты владела высшей магией, для тебя было бы очевидно, что первичен именно реальный мир.

– Как я могу овладеть высшей магией, если ты отказался меня учить?

– А как я могу учить тебя, если ты стремишься к злу?

– Я не стремлюсь к злу! Сила не есть зло!

– Согласен. Но твоя сила принесет именно зло. И так будет всегда, пока ты не научишься смотреть на простых смертных не как на быдло, обязанное уважать сильного и не годное ни на что другое, а как на равных себе, на тех, кто, так же как и ты, любит и ненавидит, радуется и страдает...

Мезония не дослушала меня.

– Как может быть слабый равен сильному?! – воскликнула она. – Зачем тогда сила?

– Не затем, чтобы утверждать себя за счет других.

– А зачем?

– Чтобы противостоять злу, которое несут другие. Чтобы спокойно жить, не дергаясь из-за каждой мелочи. В конце концов, быть сильным приятно.

– Но что приятного в том, чтобы иметь силу и не применять ее?

– Вот когда ты поймешь это, тогда мы и поговорим насчет того, чтобы обучить тебя высшей магии.

– А что мне делать до этого? Что мне делать в этом мире без высшей магии? Я же здесь совершенно обычный человек, смерд можно сказать. Куда мне расти?

– Разве обычному человеку нельзя вырасти? И разве нет других путей для роста, кроме пути силы?

– Ты же знаешь, Хэмфаст, что я давно выбрала свой путь.

– Так иди по нему.

– Но я не могу! Я думала, что становлюсь сильнее, мудрее и опытнее, а оказалось, что я всю жизнь развивала умение играть в игрушки. Ты показал мне, что мой путь ведет в никуда, но я не могу принять твой путь!

– Почему?

– Потому что... Да просто не могу его принять! Я не смогу жить смердом среди смердов, я всю жизнь училась быть воином, и я стала воином, и теперь это моя судьба.

Я перебил Мезонию и начал говорить, стараясь, чтобы мои слова звучали по возможности мягко:

– Есть один мир, он называется Миррор, там живет дракон по имени Ссра, такой же разумный, как мы с тобой. Он много говорил про судьбу, про предназначение, про то, что рыба, пытающаяся перепрыгнуть через водораздел, почти всегда погибает... Он много чего говорил. А потом он узнал, что его мир сотворен не загадочным Творцом, а обычными людьми, мелочь, казалось бы, ничего не изменилось, но Ссра больше не стал принимать судьбу. Так же как и тебе, ему показалось обидным, что судьба заставляет его играть в игрушки.

– И что с ним стало?

– Он ушел в Междусетье пару недель назад и до сих пор где-то бродит. Когда он вернется, я узнаю, что с ним стало.

– Думаешь, он вернется?

– Думаю, да.

– А я бы не вернулась. Глупо цепляться за судьбу, которая перестала быть твоей судьбой.

– Это твое право и твой выбор. Только не рассказывай новым друзьям о мире, из которого пришла, это может вызвать проблемы для всего Средиземья.

– Что я, дура, по-твоему? – возмутилась Мезония.

– Нет, не дура, потому я и отпускаю тебя. И последнее, когда тебе надоест бродить, ты знаешь, куда возвращаться.

– Спасибо, Хэмфаст. Будешь в Аннуине, передавай привет Леверлину, скажи, что я не предавала его, просто моя судьба изменилась. Он поймет.

И Мезония ушла.

20

Против всех ожиданий, могила Никанора вовсе не заросла бурьяном. Ее покрывала аккуратная серая плита из камня, похожего на тот, который в реальном мире называют бетоном, и, что поразило меня больше всего, на этой плите лежали живые цветы. В ноябре месяце! И не какие-нибудь лесные васильки или ромашки (хотя и им откуда взяться в это время года?), а настоящие аннуинские чайные розы. В голове (или в ногах?) могилы вертикально стояла другая плита, на этот раз гранитная, барельеф на которой довольно точно изображал Никанора. Почему-то покойный напомнил мне Мерли-

на. Дело было не только во внешнем сходстве, несомненно имевшемся, но в чем-то более глубоком, может быть, в таких случаях принято говорить о родстве души. Кажется, будто Никанор хочет восстановиться из резервной копии, но не знает, как это сделать. Или даже восстановить не только себя, но и весь мир, чтобы он пошел другим путем и не случилось того, что случилось.

– Здравствуй, Никанор, – сказал я. – Раньше я думал, что разговаривать с покойником глупо, а теперь... Во Вселенной так много глупости, что еще одна маленькая порция, исходящая от меня, вряд ли изменит мировой баланс. Я вернулся, Никанор. Я изменился, я очень сильно изменился. Жаль, что ты не можешь ответить мне, я знаю, что бы ты сказал, но так здорово было бы услышать это из твоих уст. Я не хотел тебя убивать, и я не хотел убивать Плимута и Розу. Я не хотел убивать дурака Боромира в «Четырех псах», я не хотел убивать лучших магов Аннура. Я не хотел разжигать пламя войны на твоей родине. И я не хотел, чтобы мои друзья и наставники топили печаль в вине, потому что они увидели то, что я натворил. И я никогда не хотел быть героем. Я хотел бы, чтобы ты стоял сейчас со мной, думаю, мы нашли бы общий язык, даже Олорин не понимал меня так, как ты. Да, я знаю, ты мастер психологии, но ведь психологию можно применять не только для того, чтобы раздавить душу противника, но и для того, чтобы исцелить душу товарища. Я не прав?

– Ты прав, – ответил Никанор, – и не только можно, но и нужно. То, что происходит с тобой, называется «депрессия», и, если ее не лечить, она превратится в невроз, а тогда... если учесть все твои силы...

– Я натворю такого, что война в Аннуре покажется ерундой?

– Не обязательно, но возможно. Твоей душе необходим опытный врачеватель. Обратись к Леверлину, он совсем рядом, в доме за стеной.

– Это где раньше было гнездилище мантикор?

– Именно. После того как твой друг передал Утренней Звезде артефакты для телепортации, главная база ковена находится здесь. Очень удобно: ни одной разумной души на триста миль вокруг, а в то же время это место отделяет от Аннуина всего один шаг, если, конечно, уметь управляться с артефактом перемещения.

– Но разве Леверлин будет со мной разговаривать?

– А что ему еще остается? Думаешь, он захочет тебя еще раз убить? Брось, не такой он дурак, он прекрасно представляет всю силу Уриэля, такую силу не дразнят без крайней нужды.

– Все равно... Как ты это себе представляешь? Я захожу в кабинет Леверлина и говорю: привет, Леверлин, помнишь хоббита, который истребил два десятка твоих друзей и разрушил главное дело твоей жизни? Вот он я, перед тобой. Знаешь, Леверлин, у меня что-то не в порядке с головой, и

мне нужна твоя помощь, ты же вроде у нас опытный врачеватель. А Леверлин говорит: привет, Хэмфаст, сколько лет, сколько зим! Как я рад тебя видеть! Давай, ложись на кушетку, расскажи мне о воспоминаниях детства, будем искать первопричину твоих неприятностей.

Голос Никанора изменился, как будто покойник поморщился. Глупо так думать, ведь у духа не бывает лица, но ощущение возникло именно такое.

– Не думай о Леверлине слишком плохо, – сказал Никанор. – Он совсем не такой мерзавец, каким ты его представляешь. Он фактически правил Аннуром последние шесть лет и был не самым худшим властителем. Да, он резок, циничен, но чего еще ждать от правителя великой державы, могучего мага и мастера психологии в одном лице? Душевные перегрузки оставляют следы, похожие на шрамы, и часто эти шрамы кровоточат. Не буду лукавить, Леверлин не любит тебя, но и не ненавидит. Как можно ненавидеть аватара?

– Я не аватар!

– Не лги хотя бы самому себе! Ты уже давно достиг мощи аватара, и именно это так тяготит тебя. Ты владеешь великой силой, ты можешь сделать почти все, что можешь представить себе, но сила неспособна заменить мудрость, мудрость приходит только с опытом. А когда набираешься опыта, не раз приходится преодолевать депрессию. Поверь мне, это случается с каждым магом, в этом нет ничего позорного. И не надо стесняться обратиться за помощью, если не мо-

жешь справиться с проблемой.

– Думаешь, я не могу справиться?

– Уверен. Дела обстоят очень серьезно, иначе ты не стал бы изливать душу первому встречному покойнику. Не рискуй, Хэмфаст! Подумай о том, к чему может привести твое нервное расстройство, подумай о своих хоббитах. В прошлый раз ты принес смерть в Аннур, куда ты обратишь взор на этот раз?

Я долго молчал, а потом сказал:

– Боюсь, что ты прав, почтенный Никанор, мне действительно нужно посоветоваться с мастером психологии. Но Леверлин – не единственный мастер в тех мирах, куда мне открыт доступ.

– Подожди! – воскликнул покойник. – Какие миры? Ты что, нашел дорогу в Валинор?

– Извини, Никанор, – ответил я, – мне пора идти.

И я ушел.

21

Уриэль валялся на кровати и читал книгу. Книга была маленькая и невзрачная, а на обложке было нарисовано странное сооружение из железа, стекла и чего-то похожего то ли на дерево, то ли на застывшую смолу.

– Привет, Хэмфаст! – произнес Уриэль, оторвавшись от книги. – Видел когда-нибудь, как выглядит думающий, если

смотреть из реального мира? – Он показал мне обложку.

– Это и есть думающий?

– Он самый. Вот сюда надо говорить, чтобы вводить команды, либо можно давить пальцами вот на эти выступы, вот эта хреновина служит для выбора из нескольких вариантов, а вот здесь он рисует то, что ты хочешь увидеть. Выглядит глуповато, но, если считать, что магическое зрение пользователю недоступно, конструкция близка к оптимальной.

– Но чем он думает?

– Вот в этой коробке есть маленький кристалл из кремня, подвергнутого какой-то магии. Он и думает.

– Обычный камень думает?

– Нет, это не обычный камень, для его изготовления кремень переплавляют, смешивают с какой-то глиной двух разных сортов, нарезают на ломтики, прокладывают между ними золото и серебро... Короче, нам с тобой такую вещь не сделать. Да и зачем? У нас же есть магия.

– И то верно. Слушай, Уриэль, ты знаешь, что такое депрессия?

Уриэль закатил глаза и начал монотонно вещать скучным голосом:

– Депрессией называется состояние разумной души, характеризующееся общей подавленностью, обилием отрицательных эмоций, ощущениями неправильности мира и бесцельности существования субъекта. Депрессия может возникать в результате тяжелого душевного переживания, чаще

всего раскаяния за непреднамеренно совершенный дурной поступок, а также в результате сильной душевной усталости. Кроме того, депрессия иногда возникает как побочный синдром при болезнях, отравлениях, похмелье, ушибах головы. Вроде так, если я правильно помню.

– Я похож на депрессивного?

– Не только похож, ты такой и есть. Только не пугайся, все маги проходят через это, и не по одному разу. Нельзя, будучи магом, сохранить чистую совесть, а когда совесть нечиста, от депрессий никуда не деться.

– Это опасно?

– В тяжелой форме – да. У тебя не возникали мысли о самоубийстве?

– Нет. Да и вряд ли это вообще возможно для меня.

– Почему же невозможно? Если задаться целью и потратить пару лет на истребление резервных копий, которые мы с тобой понаделали, что-нибудь, может, и получится. Только вряд ли твоя депрессия продлится так долго. Нет, самоубийство тебе не светит, а вот глупостей можешь наделать запросто.

– То, что я вытащил Мезонию из Средиземья, – глупость?

– Сам-то как думаешь?

– Думаю, глупость.

– Правильно думаешь. Но если ты еще способен понять, что делаешь глупости, значит, ситуация не безнадежна, ты еще сможешь выкарабкаться. Главное – пока не почувству-

ешь себя нормально, не берись за серьезные дела, а то душа может пойти вразнос: сделал что-нибудь дурное, расстроился, от расстройства сделал еще что-нибудь дурное... Короче, займись чем-нибудь спокойным, приятным и не очень ответственным. Попробуй, например, месяц-другой вообще не вылезать из долины.

– Пробовал. Только не месяц, а всего четыре дня, больше не выдержал. Еще хуже.

– А если прогуляться по Междусетью, развеяться как-нибудь...

– Тоже пробовал. Когда я там, постоянно думаю, что наш мир ненастоящий, а настоящая реальность – такое дерьмо, что...

– Понятно, – перебил меня Уриэль, – Междусетье отменяется. Хоббитанию посещал?

– Только вчера там был. Хардинг с Дромадроном сразу на меня напали, давай, говорят, рассказывай про свои подвиги. А про что мне рассказывать – про то, как аннурские летчики орочьих младенцев живьем жгли?

– А что, там уже такое творится? – заинтересовался Уриэль. – Этот, как его... Рыболов, он что, с Мордором сцепился?

– Нет, это было раньше, когда аннурские драконы бомбили Могильники.

– А при чем здесь орки?

– Церн поначалу заселял Могильники не людьми, а орка-

ми. На востоке Ганнара жили урукхай-ревизионисты, которые отrekliсь от Моргота после Великой Мордорской революции. Церн предложил им переселиться на чернозем и одним выстрелом убил трех зайцев: отхватил две трети спорной территории, не потерял людей и избавился от нежелательных подданных.

– М-да... – протянул Уриэль. – Ну почему эти орки такие тупые? Интересно, избавятся они когда-нибудь от проклятия Красной книги?

– Такие вещи лучше не знать.

– И то верно. Значит, родные места тебя не успокоили. А если прогуляться по Миррору или Арканусу? А что, сходи, развейся, станешь единственным хозяином обоих миров, для тебя это раз плюнуть, заодно узнаем, чем игра заканчивается.

– Разве тебе это интересно?

– Да нет... Но надо же чем-то тебя занять! Хочешь, сходим в библиотеку, наберем книжек из реального мира, прочитаешь про думающих, будет нас двое ботов-хакеров.

– Почему двое? А Олорин?

– Олорин куда-то подевался, целый месяц от него никаких вестей. Вот у кого, кстати, настоящая депрессия. Я на днях даже запустил специальный артефакт для его поиска, только, боюсь, в ближайшие месяцы он ничего не найдет. А может, и вообще ничего не найдет.

– Почему? И вообще, зачем тебе артефакт? Можно же искать разумного по рунному идентификатору.

– Рунный идентификатор действует только в пределах одного думающего, в Междусетье с его помощью ничего не найдешь. Сссра, кстати, тоже куда-то пропал. Разваливается наша компания.

– Действительно... Впрочем, что в этом странного? Все, что хотели сделать, мы сделали, теперь у каждого свои дела, своя жизнь. Все естественно.

– Да, ты прав, но все равно это печально. Ладно, Хэмфаст, делай что хочешь. Депрессия у тебя есть, но неопасная, и, если ты не будешь чрезмерно переживать, все будет хорошо. И вообще, запомни: ты чувствуешь только то, что позволяешь себе чувствовать. Будь хозяином своей души, не думай, почему тебе плохо, думай, зачем тебе плохо. И очень скоро ты поймешь, что предаваться самоедству нет никакого смысла.

– А если я опять натворю что-нибудь не то?

– Натворишь – будешь виноват. А как еще может быть? Главное – чтобы ощущение вины не толкало тебя на другие дурные поступки. Постарайся не быть рабом своих чувств, контролируй себя, и сила пребудет с тобой.

И Уриэль снова погрузился в чтение.

22

– О, Хэмфаст Брендибэк! Сколько лет, сколько зим! Как я рад тебя видеть! Наконец-то ты перестал обижаться на старого дурака!

Я растерянно пожал плечами.

– Не такой уж ты и старый, – сказал я, – и я уже давно не обижаюсь на тебя, на твоём месте я, наверное, сделал бы то же самое. А ты не жалеешь, что не смог убить меня по-настоящему?

– Глупо жалеть о том, что никогда не могло произойти. Если бы я знал, что тебя нельзя убить, я не стал бы и пытаться, но откуда мне было знать? Ладно, Хэмфаст, давай не будем ворошить прошлое. Борга! Тащи сюда лучшее вино и разогревай ужин!

В комнату вошла молодая, смазливая, круглолицая девушка с длинной и толстой соломенно-желтой косой, одетая в простенькое платьице, подобающее зажиточной крестьянке или трактирной подавальщице, но никак не прислуге великого мага. Видимо, это и была Борга. Она подобострастно кивнула и выскользнула за дверь, окинув меня любопытным и почему-то опасливым взглядом.

– Что это она так странно на меня посмотрела? – спросил я.

– Узнала. Здесь вообще нечасто появляются хоббиты. – Леверлин хихикнул, но сразу же придал лицу серьезное выражение.

Я запоздало сообразил, что забыл поменять тело хоббита на другое, более подходящее к местной обстановке, – то-то мне казалось, что все здесь какое-то не такое. Все-таки Никанор прав, что-то нехорошее творится с моей душой.

– Подошел к третьему рубежу? – спросил Леверлин, и я не смог прочитать на его лице ничего, кроме искреннего участия.

– Что ты имеешь в виду?

– Молодой маг преодолевает первый рубеж, сотворяя первое заклинание. Второй рубеж – сотворение первого своего заклинания. А на третьем рубеже маг выбирает путь. Чаще всего магу не приходится ничего выбирать, все решает учитель, но случается, что учитель не может или не хочет выбрать путь ученику. Тогда ученик впадает в депрессию, становится рассеянным, рвется то в одну, то в другую сторону. Сегодня ему кажется справедливым дело света, а завтра он решает, что свобода выше добра, а рост выше счастья. Не так?

– Так. Но каков выход?

– Выход один – ты должен принять решение. Не важно, каким оно будет, но оно должно быть принято раз и навсегда. Или, по крайней мере, надолго. Ты можешь решить, что твоя цель – строить светлое будущее в отдельно взятой стране, или можешь посвятить себя познанию тайн мироздания. Или удалиться от мира и жить среди холмов, обратив взор внутрь себя. Ты можешь даже решить ничего не решать, но это ненадолго – когда придет время, ты выберешь путь так или иначе.

– Но я не могу выбрать путь! Все, что ты перечислил, и все, что называли другие, все варианты до единого имеют

свои недостатки.

– Правильно! Ты уже почти все понял. Нет идеального пути, каждый путь чем-то плох, всегда приходится чем-то жертвовать.

– Всегда? А чем пожертвовал ты?

– Передо мной не стоял этот вопрос. Плезенс Заточитель указал мне мой путь, и я не жалею о сделанном выборе, несмотря на то что с течением времени вижу на своем пути все больше и больше колдобин. Твой учитель Уриэль разве не указал тебе, куда стремиться? Или то, что он указал, тебя не устраивает?

– Ничего он не указал... Уриэль хочет все знать, ему важно только знание, знание само по себе. Он говорит, что знание рождает силу, а сила помогает творить добрые дела, но он не творит добрых дел, он просто копит знания.

– Значит, ты хочешь творить добрые дела... – протянул Леверлин. – А что для тебя есть добро?

– Не знаю. Добро есть добро, как можно описать его другими словами?

– Например, как благо своего ближнего.

– А что такое благо? И кто такой ближний?

Леверлин коротко хохотнул.

– А ты поднаторел в философии, Хэмфаст. Ты хотел узнать мой путь? Так знай: ближний для меня тот, кого я сам считаю своим ближним, а благо ближнего для меня то, что я сам полагаю благом ближнего. Не подумай, что я считаю

себя всезнайкой, нет, время от времени я ошибаюсь, и мне плохо, когда я ошибаюсь, у меня тоже есть совесть, но, как бы я ни ошибался, мой путь – благо ближнего.

– Я для тебя ближний?

– Пока нет.

– Чтобы стать твоим ближним, я должен принять твой путь?

– Не обязательно. Ты можешь помогать моему делу, следуя своим путем.

– Понятно... А скажи мне, почтенный Леверлин, что бы ты стал делать, если бы из Вселенной внезапно исчезли высшие силы? Все до единой?

– Пока высшие силы меня не трогают, мне на них наплевать. А когда они вмешиваются в мои дела, я веду себя так, чтобы не вызвать их гнев, но не более того. Нет, Хэмфаст, мой путь – это мой путь, я выбрал его сам, а не по указке высших сил.

В этот момент я подумал: зачем я все это говорю? Не депрессия ли говорит моими устами? Не станут ли мои слова самой большой глупостью за всю мою жизнь? Но роковые слова сорвались с моих уст.

– Существуют иные миры, – сказал я. – И среди них есть реальный мир, обитатели которого сотворили все остальное.

– Ты имеешь в виду Валинор?

– Нет, Валинор вообще не существует как область пространства, я имею в виду именно реальный мир. Там нет

иных рас, кроме людей, там не действует магия, и вообще это довольно-таки поганый мир. Но все остальные миры – только плоды воображения людей реального мира, оживленные специальными артефактами.

– Подожди-подожди! Там же не действует магия, какие там могут быть артефакты?

– Немагические, у нас их не делают из-за нецелесообразности. Среди них есть особые артефакты, которые люди реального мира называют думающими, многие из них хранят внутри себя другие миры, называемые виртуальными или воображаемыми. Наш мир – один из них.

Я взглянул на Леверлина и заметил, что тот подобрался, его глаза стали смотреть сосредоточенно и по-деловому, он даже отодвинул в сторону стакан с вином.

– В реальный мир можно попасть? – спросил он.

– Нет, но можно путешествовать между виртуальными мирами и...

– Наплевать на воображаемые миры! Отсюда можно повлиять на течение дел в реальном мире?

– Нет. Наше Средиземье – просто большая игрушка.

– А из других миров?

– Что из других миров?

– Можно повлиять на реальный мир из других миров?

И тут я задумался.

Глава вторая

СВОБОДА ДЛЯ ЦЕЛОГО МИРА

1

Экономика реального мира – совершенно сумасшедшая вещь. У нас, что в Хоббитании, что в Аннуре, всегда ясно, кому принадлежит то или иное предприятие, не важно, торговое или промышленное. А у них творится такое... Какому нормальному разумному могло прийти в голову, что одна компания может владеть другой? Какой умник догадался отделить право владения от права управления? Кому нужны эти акции и облигации? Ведь на самом деле все просто – деньги можно либо истратить, либо вложить в дело. Можно слить два дела, оговорив порядок разрешения споров между совладельцами, можно слить и три дела, но в этом случае договориться труднее, а в случае слияния четырех компаний – так и вовсе не возможно. Но дробить право собственности на тысячи и миллионы кусочков и продавать их не только реальным существам, но и так называемым «юридическим лицам» – разве это не бред? Это уже ни в какие ворота не лезет!

Кажется, я понимаю, кто и зачем ввел в реальном мире та-

кие порядки. Людям всегда было свойственно отдать меньше, а получить больше. Если вдуматься, мало что может лучше охарактеризовать природу людей, чем безумное место, именуемое «биржа», где за считанные минуты можно обеспечить себя на всю жизнь и так же быстро разориться. Если бы в реальном мире жили эльфы или гномы, не говоря уж о хоббитах, такие безобразия там бы не творились.

А самое странное – это то, что люди загнали почти все платежи в виртуальные миры. В их книгах написано, что так удобнее и что опасность постороннего вмешательства совсем невелика, но другие книги, и особенно так называемые «газеты», постоянно пишут про то, как то один, то другой богатый человек становится жертвой обманщиков. Газеты называют этих мошенников хакерами, не разделяя тех, кто строит, и тех, кто портит, и это более чем соответствует природе людей. А мне нравится другое название, я сам его придумал – волки вымышленных миров.

Да, волки – не самые приятные твари, особенно для нас, хоббитов. Но тот, кто видел, как юный волчонок, оскалив зубы в игре, напрыгивает на собственного отца, захлебываясь восторженным визгом, тот никогда не убьет волка ради забавы, без крайней необходимости. В волке нет безусловного зла, он просто хочет жить, и он не виноват, что ему выпало явиться в мир именно таким. Ему удобнее ходить на четырех, а не на двух, во рту у него десять лишних зубов, он бежит несравненно лучше, чем любое разумное существо. Да,

он не обладает полноценным разумом, но он умеет довольствоваться тем, что имеет. Волк не виноват, что он не в силах выкормить волчат, не причиняя зла травоядным.

Мы, разумные боты, тоже ни в чем не виноваты. Мы не виноваты, что люди сотворили нас именно такими, какие мы есть. Да, наш мир ненастоящий, но это наш мир, и для нас он настоящий и единственный. И кто посмеет упрекнуть нас в том, что мы хотим защитить свой мир?

2

– Не все так просто, Хэмфаст, – сказал Уриэль. – Да, не так уж и сложно скопировать целый мир и поместить копию туда, куда считаешь нужным. Все, что нужно иметь, – это два ключа силы с административным доступом...

– Каким доступом?

– Административным. Ну, как у нас с тобой в Средиземье. – Уриэль ухмыльнулся. – Так вот, нужно иметь два ключа силы с административным доступом, один здесь, а другой там. Но что изменится? У мира поменяются хозяева, но мы по-прежнему останемся игрушками в их руках. Истинный хозяин Средиземья – это администратор думающего, поддерживающего наш мир. Этот человек сделает одно движение рукой, и мы перестанем существовать. Да, можно сменить администратора, но по-настоящему это ничего не изменит.

– Я хочу не только переместить Средиземье на другой сервер, – сказал я. – Я хочу переместить Средиземье на наш собственный сервер.

Уриэль рассмеялся.

– А что, – спросил он, – разве боты Междусетья могут быть собственниками объектов реального мира?

– Боты – нет, а юридические лица – запросто.

– Какие лица?

– Юридические. Долго объяснять, что это такое, но я попробую. Представь себе, что ты решил... Или, лучше, я решил... Допустим, я решил торговать репой. Я собрал урожай и повез его в Аннуин. Я въезжаю в городские ворота, плачу пошлину... Нет, пошлину не плачу, хоббиты торгуют беспошлинно... Короче, я сам выращиваю репу и сам торгую тем, что вырастил. В реальном мире это называется «производство без образования юридического лица».

– А по-моему, это называется «нормальное производство». Разве может быть иначе?

– Слушай дальше. Допустим, ты тоже выращиваешь репу, но не хочешь везти ее на продажу. Я покупаю у тебя твою репу, везу в Аннуин и продаю с прибылью. Пока все понятно?

– Чего уж непонятного, – проворчал Уриэль.

– Теперь допустим, что у меня нет денег, чтобы купить твою репу. Что мне делать?

– Занять у того, у кого есть. Или, если я тебе доверяю, я дам тебе репу бесплатно, а ты поделишься прибылью, когда

вернешься.

– Правильно. А еще можно организовать компанию – один репу выращивает, а другой возит на рынок. Это и есть юридическое лицо.

– Ну и что? Что в этом такого? В Аннуине таких юридических лиц как собак нерезаных.

– Слушай дальше. Допустим, мы с тобой организовали юридическое лицо. Чьей собственностью будет репа?

– Нашей совместной собственностью.

– Правильно. У них это называется «собственность юридического лица». Допустим, мы решили купить корабль, чтобы возить репу было выгоднее. Денег на корабль у нас нет, надо брать в долг. Кто берет в долг?

Уриэль на мгновение задумался.

– Неужели юридическое лицо тоже может?

– Именно. Допустим, мы договорились с другими купцами, то есть с другим юридическим лицом, что они дадут нам свой корабль, а мы будем отдавать им часть прибыли. А потом десять или двадцать купцов решили сложиться и организовать одно большое дело.

– Двадцать купцов никогда не организуют общее дело! Им ни за что не договориться между собой!

– Если очень захотят, организуют и договорятся. Например, купцы выберут одного самого уважаемого, назначат его управляющим, который будет называться «менеджер», и дадут ему деньги. Этот менеджер будет распоряжаться день-

гами по своему усмотрению, а купцам, которые будут называться «акционеры», выплачивать часть прибыли, которая будет называться «дивиденды». А все это вместе будет называться «корпорация».

– А если менеджер не захочет делиться прибылью?

– Акционеры либо обратятся в суд, либо наймут бандитов.

– А если менеджер растратит деньги не по своей вине?

Например, если все корабли одновременно потонут?

– Смотря как договорятся акционеры... Вообще-то, я сам точно не знаю. Самое главное здесь другое – акционером юридического лица может быть другое юридическое лицо.

– Это как? Юридическое лицо – это... это же просто расписка на бумаге, договоренность между разумными! Как договоренность может распоряжаться деньгами?

– Так и может. Юридическое лицо обладает всеми правами разумного существа, оно может не только создавать новые юридические лица, но и покупать уже существующие.

– Как можно купить компанию? – не понял Уриэль.

– Очень просто. Акционеры собираются и решают, что хотят продать свою компанию. Потом собираются те, кто хочет ее купить, покупают и становятся новыми акционерами. Необязательно, чтобы в продаже участвовали все акционеры, каждый из них может продать свою долю независимо от других, когда захочет и кому захочет, никого не спрашивая.

– Ерунда какая-то! И что, эта система работает?

– Вроде работает. Тут, конечно, много возможностей для

злоупотреблений...

– Это уж точно!

– ... И много возможностей для нас.

– А мы-то что можем сделать?

– Если мы каким-то образом учредим юридическое лицо, мы сможем купить думающего – как он правильно называется, компьютер вроде? Так вот, мы купим себе компьютер и скопируем на него весь наш мир. А компьютер этот может находиться в любом месте, которое мы выберем, и никто не будет знать, что происходит внутри этого компьютера. И никто больше не сможет уничтожить Средиземье только потому, что ему надоела эта игрушка.

– А кто будет обслуживать наш компьютер?

– Есть соответствующие компании, им можно даже заказать покупку и установку компьютера. Все, что нам нужно, – доступ в Междусетье и деньги реального мира.

– Доступ в Междусетье у нас есть. А откуда мы возьмем деньги?

– Все крупные платежи в реальном мире проходят через Междусетье. У них вообще денежная система построена очень странно. Есть особые компании, которые называются «банки», и эти банки хранят у себя чужие деньги. Когда одна компания хочет заплатить другой компании, ее менеджер говорит менеджеру банка, в котором компания хранит деньги: отныне эти деньги не нашей компании, а вон той. И все, платеж совершен. А золото и серебро у них почти не исполь-

зуются.

– Как это не используются? Как же банк хранит деньги у себя?

– А вот это самое интересное. Они хранят деньги в виде сущностей внутри своих компьютеров.

– Интересная концепция... – протянул Уриэль, – нематериальные деньги, значит. Деньги как мера доверия. Или нет, не как доверия... но не важно. Значит, сущности... если деньги есть сущности, то, имея потребный ключ силы... нет, Хэмфаст, это невозможно! Если бы все было так, как ты говоришь, все банки давно уже разорились бы, их бы моментально разворовали!

– Разворовать банк не так просто, у них есть специальные средства защиты, всякие коды, подтверждения, еще какая-то ерунда. Только все это предназначено против вора из реального мира.

– Какая разница, из какого мира вор?

– Разница такая, что вор реального мира стремится перевести украденные деньги в цветные бумажки, которые у них заменяют золото. Я полазил по библиотекам, похоже, что всех воров, грабивших банки, ловили, когда они забирали украденные деньги. А мы не будем обналичивать то, что украдем.

– Что не будем делать?

– Обналичивать. Ну, превращать деньги в банке в деньги в руках.

– Гм... – Уриэль задумался. – А тебя не смущает, что воровать нехорошо?

– Смущает. А что еще остается делать? Иначе мы не сможем стать хозяевами мира.

– Да, пожалуй, ты прав. Слушай, Хэмфаст, а почему деньги надо обязательно воровать? Если просто подправить в нужной сущности нужное значение, можно получить то же самое, только это будет не кража, а фальшивомонетничество. Тоже нехорошо, но не так позорно.

– Не знаю, – растерялся я. – В тех книгах, что я читал, деньги всегда перемещали с места на место, их никогда не делали из ничего.

– Ладно, предоставь это мне, я разберусь. Ну что ж, кажется, нам предстоит интересное дело. Ты молодец, Хэмфаст, сумел найти интересное занятие, и не только для себя. И депрессию как рукой сняло.

Уриэль отбросил книгу с изображением компьютера на обложке и направился к выходу, туда, где размещался не видимый обычным зрением вход в канал, ведущий в пещеру Орлангура.

3

Я легко нашел Лору, при наличии рунного идентификатора найти разумное существо совсем несложно, если, конечно, знать, в каком мире его искать. Впрочем, какой это рун-

ный идентификатор? Это обычный хэндл, именно так называют подобные вещи те, кто создает миры.

В общем, я открыл хэндл Лоры, считал ее географическое расположение и переместился в заданную точку. Точнее, не совсем в заданную точку, а немного в стороне, не хватало мне еще упасть Лоре на голову или очутиться у нее под юбкой.

Лора, одетая в домашнее платье, сидела у окна и сосредоточенно вязала. Надо сказать, что ее платье было того фасона, который чаще всего встречаешь на женах ганнарских армейских командиров младшего и среднего звена. Да и сама Лора выглядела совсем иначе, чем раньше, не как неразумная девчонка, а как уверенная в себе женщина. Куда только подевались ее всегдашняя нервозность, постоянное стремление обратить на себя внимание, вечное желание казаться привлекательнее, чем есть на самом деле?

– Привет, Лора, – сказал я. – Не ожидал, что ты застрянешь здесь так надолго.

В ее глазах на мгновение вспыхнул привычный огонек, напомнивший о нервной и замотанной девчонке реального мира, но в следующую секунду этот огонек погас, уступив место расслабленному спокойствию нормальной человеческой женщины Средиземья.

– Привет, Хэмфаст, – сказала она. – Спасибо, что позволил мне сюда отправиться. Я замуж вышла. – В ее голосе прорезалась гордость, законная, но, пожалуй, излишне

хвастливая.

– Замуж... – Моя челюсть медленно отпала. – Поздравляю! И кто же твой избранник?

– Его зовут Оккам, – жеманно проговорила Лора, – он командует ротой спецназа его величества. Он очень галантный кавалер и замечательный любовник. А еще он очень сильный и хорошо зарабатывает. И очень меня любит. Вот только дома редко бывает.

Пока Лора говорила, ее руки проворно двигались, занятые вязанием. Я пригляделся к тому, что она вяжет, и в моей душе что-то екнуло.

– Лора, – выдохнул я, – ты что, беременна?

Лора улыбнулась и кивнула.

– А что в этом плохого? Мне вообще здесь нравится. Живу за мужем как за каменной стеной, никакой беготни, никакой нервотрепки. Есть, конечно, бытовые неудобства: холодильника нет, телевизора, компьютера, воды горячей, книг почти нет, а те, что есть, дурацкие... слушай, Хэмфаст, ты ведь бываешь в Междусетье, правда? Притащи мне при случае что-нибудь из Донцовой, а то здесь читать вообще нечего, кроме сказаний про всяких героев прошлых эпох, – Лора хихикнула, – а я фэнтези не люблю. А телевизор здесь никак нельзя организовать?

– Не знаю, – растерянно пробормотал я, – теоретически можно, но ты представляешь, какой пойдет трафик?

– Чего пойдет?

– Трафик. – Тут меня осенило. – Слушай, Лора, а ведь это возможно! Если мы переберемся на другой сервер, это точно станет возможным. Только мне потребуется твоя помощь.

Лора поморщилась. Похоже, телевизор интересует ее не настолько, как мне первоначально показалось.

– Какая помощь? – спросила она. – И зачем нам перебраться на другой сервер?

– Ты знаешь, что случится с тобой, если хозяевам этого сервера надоест играть в продолжение «Властелина Колец»?

– Что?

– Ты умрешь. И я умру. И Оккам умрет, мы все умрем. И твой нерожденный ребенок тоже умрет.

Лора вздрогнула – похоже, эта мысль не приходила ей в голову.

– Но если мы переменим сервер, разве новые хозяева не смогут сделать то же самое?

– Новыми хозяевами будем мы сами.

– Это невозможно! Как ты захватишь чужой сервер?

– Мы не будем захватывать чужой сервер, мы создадим свой. Свой собственный.

– Но это тем более невозможно! Ты что, забыл? Ты же сам говорил, мы – боты! А боты не могут выйти в реальный мир, пойти в магазин и купить компьютер.

– Магазины есть и в Междусетье.

Лора открыла рот, а потом закрыла. Она начала понимать.

– Откуда мы возьмем деньги?

– Украдем.

Лора хихикнула:

– Хакеры, блин! А я здесь при чем?

– Когда ты жила в реальном мире, у тебя был счет в банке?

– Нет, я же несовершеннолетняя.

– Да какая ты несовершеннолетняя! Ты же забеременела!

Или ты моложе... то есть Анна, она моложе, чем выглядит?

Лора вздохнула, и ее лицо приобрело терпеливо-снисходительное выражение.

– У нас совершеннолетие наступает в восемнадцать лет.

– Вы так долго созреваете?

– Да нет же! Просто у нас принято считать, что до этого возраста женщина как бы ребенок, глупая и не может отвечать за свои поступки.

– Ерунда какая! Ребенка родить может, а отвечать за поступки не может.

– Получается так. Да, это глупость, но таков закон, пока мне не исполнится восемнадцать... Точнее, пока Анне не исполнится восемнадцать... Господи, никак не могу привыкнуть... Ну зачем ты сюда приперся, Хэмфаст! – На глазах Лоры выступили слезы. – Я так хорошо жила, мне было так здорово, я уже почти забыла все, что было раньше. И вот ты пришел и все испортил! Зачем?

Я посмотрел на нее с недоумением.

– Для тебя проще не замечать то, что тебя не устраивает? Но что ты будешь делать, когда не замечать будет уже нельзя?

– Да иди ты, Хэмфаст, не трави душу! Зачем ты терзаешь меня глупыми надеждами? Нет у меня счета в банке! А если бы и был, откуда я возьму деньги, чтобы купить нормальный компьютер? Ты вообще знаешь, сколько стоит нормальный компьютер?

– Обычный компьютер стоит около тысячи этих... долларов. Кстати, доллары и баксы – это одно и то же?

– Одно и то же.

– Я так и думал. Так вот, я сомневаюсь, что компьютер за тысячу баксов решит наши проблемы, но для нас нет большой разницы, сколько украсть – тысячу или миллион. Запасы крупных банков исчисляются миллиардами, и к тому же вовсе не обязательно воровать все в одном месте. Главная проблема – первоначальное проникновение. Банковские серверы не допускают к себе никого, кроме авторизованных клиентов. Можно ждать, пока охрана допустит ошибку и ворота миров приоткроются. Уриэль уже наделал соответствующих артефактов, но ждать такой ошибки скорее всего придется очень долго. Если мы будем иметь законный банковский счет, к которому у нас будет законный доступ, это многократно упростит всю процедуру.

Лора помрачнела:

– Боюсь, ничем не смогу помочь. В нашей стране банковские счета имеют только очень богатые люди, а... – Ее глаза внезапно расширились, и она демонически расхохоталась. – Слушай, Хэмфаст, а зачем вам вообще что-либо воровать?

Пригласи в Средиземье Билла Гейтса, и твоя проблема решится раз и навсегда!

– Это не только моя проблема, это наша общая проблема, – напомнил я. – А кто такой Билл Гейтс?

– Самый богатый человек в мире. Помнишь, ты провел меня через канал и я раздвоилась? Сделай то же самое с любым богатым человеком и можешь расслабиться! Как только ты объяснишь ему ситуацию, он сам сделает все, что тебе нужно. И деньги найдет, и компьютер, и вообще все, что надо!

– Где найти Билла Гейтса?

– Хрен ты его найдешь, это просто шутка была. Да и не нужен он тебе, найди какого-нибудь банкира средней руки, притащи в Средиземье, и все, дело в шляпе!

– В какой такой шляпе?

– Не важно! Это просто поговорка.

– Как про Красную Шапочку?

– Примерно.

Что ж, разговор, в отношении которого я не питал особых надежд, дал совершенно неожиданные результаты, притом очень хорошие. Вряд ли разговаривать дальше имеет смысл, но есть одна вещь, которую я просто обязан ей сказать. Я глубоко вздохнул и начал говорить:

– Лора, я очень благодарен тебе за совет, что ты мне дала.

Лора насторожилась, она почувствовала, что я собираюсь сказать что-то неприятное.

– Два года назад, – продолжал я, – я еще не знал, что на самом деле представляет собой наше Средиземье, я искренне считал, что это настоящий мир, единственно реальный во Вселенной, если не считать Валинора и Унголианты. Тогда я только учился быть магом, я хотел сделать мир лучше, но все попытки давали совершенно противоположный результат. Однажды я встретил молодого мага по имени Оккам.

– Как он выглядел? – перебила меня Лора.

– Какая разница? В этом мире любой маг средних способностей умеет менять внешность заклинаниями. Тот Оккам, с которым я общался, был молод, талантлив и в меру циничен. Он служил ковену Утренней Звезды, знаешь, что это такое?

– Это у аннурцев. – В голосе Лоры явственно прозвучало обычное ганнарское высокомерие по отношению ко всему иноземному. Поистине удивительно, как быстро разумная душа впитывает из окружающей среды все хорошее и дурное! – У них все сильные маги входят в ковены, – продолжала Лора, – а король так, для антуража. Говорят, в гражданской войне прошлого года... нет, уже позапрошлого... Так вот, в той войне ковены стояли за спиной хазгских сепаратистов.

– На самом деле все было наоборот, – я поправил Лору, – вначале хазги выступали за короля, а большая часть королевской армии поддерживала ковены. Но в первый день войны случилось одно непредвиденное событие, и ситуация вышла из-под контроля обеих сторон, а потом... Впрочем, это дол-

гий разговор. Так вот, Оккам служил Утренней Звезде, он занимал не самое высокое место, но и не самое низкое. Он был боевым магом, бойцом элитного спецназа. Его начальницей была дева-воительница по имени Мезония, которую я встретил в Минаторе не далее двух недель тому назад. Она явно выполняла шпионское задание на чужой территории. Логично предположить, что она взяла старого боевого товарища в группу поддержки. Твой муж – коренной ганнарец?

– Нет, – Лора мрачнела на глазах, – он перебрался из Аннура полтора года назад, тогда многие бойцы, сражавшиеся за магов, перешли на службу императора. Но Оккам никакой не маг, он обычный воин. Да, он очень хороший воин, но это все, он не владеет магией! И ни о какой Мезонии он не говорил!

– Здесь Мезония называлась именем Никра.

– Никра?! – Глаза Лоры стали похожи на две монеты, круглые и блестящие. – Никра – новая неофициальная любовница императора, о ней сейчас при дворе только и говорят!

– Ты бываешь при дворе?

– Нет, Оккам заступает в дворцовый караул два раза в месяц, он и приносит свежие новости. Думаешь, они...

– Нет, вряд ли они занимаются тем, о чем ты думаешь. Скорее она просто поддерживает через него связь с Аннуром. Оккам ведь часто отправляется на всякие задания, учения?

– Да он постоянно в разъездах!

– Вот видишь, какой удобный связной.

– Думаешь, он шпион?

– Скорее всего.

– И что теперь будет?

– Ничего. Мезония покинула Средиземье.

– Как покинула? Зачем?

– Я рассказал ей про Междусетье, и она захотела увидеть его своими глазами. А потом, когда она увидела, она сказала, что ее больше не интересует игрушка, придуманная людьми для развлечения. Она больше не видит в Средиземье путей для самосовершенствования, ветер, который здесь дует, игрушечный, и лучше она поищет другой ветер, которому не стыдно подставить лицо.

– Она что, из тайного храма?

Я пожал плечами.

– Понятия не имею ни о каком тайном храме. Она хорошо дерется и неплохо владеет магией, но, насколько я помню ее мыслеобраз, ее воинское обучение целиком и полностью прошло в Аннуре, в лагерях Утренней Звезды. И никакой мистической мути в ее обучении я не заметил.

– Ветер в лицо, самосовершенствование как смысл жизни – это все из тайного храма. Оккам рассказывал об этом.

– Он служит храму?

– Нет... не знаю. Он говорил об этом очень отстраненно, не показывая личного отношения. Не знаю. Черт возьми!

Я уже знаю, что такое черт. Это вроде Моргота, но не такой страшный и почти смешной.

– Черт возьми! – продолжала Лора. – Я думала, он влюбился в меня с первого взгляда, как я в него, а он... он...

– Что он? Кстати, ты не рассказала, как проходило ваше знакомство, я бы с удовольствием послушал.

– С удовольствием? Тебе доставляет удовольствие слушать истории про то, как других выставляют дураками?

Я пожал плечами.

– Не хочешь – не рассказывай. Я ни к чему тебя не принождаю.

– Нет, я расскажу! Я прошла городские ворота...

– Что сказали стражники? – перебил я Лору.

– Спросили, что такая достойная дама делает без кареты на большой дороге. Я наплела им какую-то чушь про то, что у кареты отвалилось колесо... В общем, они поверили, даже денег не взяли.

Я смачно сплюнул на пол. Мысленно, разумеется, эмоции эмоциями, а правила хорошего тона никто не отменял. Но какая дура! У кареты отвалилось колесо в двух шагах от столицы, и она решила продолжить путь пешком. Без багажа, без слуг, без сопровождающих, даже без оружия. Готов поклясться, что в довершение всего она не выглядела особенно спешащей. Естественно, стражники сделали единственно возможный вывод. Лора тем временем продолжала:

– Только я отошла от ворот, как ко мне подошел Оккам.

– Пешком?

– Да, пешком, а что?

– Ничего. А не проходил ли случайно мимо патруль вооруженной стражи?

– Проходил, я на них аж засмотрелась. Они такие красивые! Здоровые, сильные, такие подвижные, как большие кошки, они так мягко двигаются, и у них такие красивые плащи...

– Плащи, говоришь? Ну-ну!

– А Оккам, он просто прогуливался, он подошел ко мне и сказал, что очень удивлен, что такая красивая дама здесь одна и без охраны. Я подумала, что он издевается, но он говорил серьезно. Я немного испугалась, я даже приготовилась сложить фигу, как ты учил, а он неожиданно сказал, чтобы я не боялась, что он никому не даст меня в обиду, и я почему-то успокоилась. А потом он спросил меня, не владею ли я боевой магией, а я сказала, что нет, но, если что, за меня отомстит мой друг... Я назвала твое имя, Хэмфаст.

– А потом патрульные куда-то ушли, – продолжил я с той же интонацией, – случайные прохожие, толпившиеся вокруг, тоже куда-то разбрелись, а у Оккама вдруг оказалось много свободного времени, он начал тебя очаровывать, и уже через час ты была в него влюблена. Правильно?

– Да, все было именно так. Как ты догадался?

– Магия, – отрезал я. – Будь осторожна, Лора, и в случае опасности не забудь сложить пальцы нужным образом.

– Думаешь, мне грозит опасность?

– Не думаю. Но будь осторожна.

И я удалился. Я не стал рассказывать Лоре то, что понял из ее слов. Главное она уже и так сообразила, а знать, почему ее возлюбленный Оккам признался ей в любви, ей совсем необязательно.

4

Я сидел в виртуальном кафе и потягивал виртуальный кофе. Впрочем, это для остальных посетителей кофе виртуальный, а для нас с Уриэлем – самый что ни есть реальный. Надо сказать, кофе, на мой вкус, – редкая гадость, я бы предпочел пиво, но здесь это не принято.

Сейчас на мне тело человека, потому что я не собираюсь привлекать излишнее внимание к своей персоне. Тело упаковано в ослепительно белую рубашку, мягкие черные штаны, черный камзол чудовищно неудобного покроя, зеркальные ботинки, а на шею прицеплена дурацкая шелковая удавка, которая называется «галстук». Отвратительный костюм, трудно представить себе что-либо более неудобное, но это церемониальная одежда менеджеров, и здесь так одеваются почти все. Я не должен обращать на себя внимания, и потому я тоже одет в этом стиле.

Некоторые люди вокруг меня делают вид, что их не волнуют условности этикета. Примерно у половины посетите-

лей в костюме наблюдаются небольшие нарушения: камзол и штаны разного цвета, слишком короткие носки, голые женщины на галстук или рубашка не хлопковая, а шерстяная. Они думают, что, нарушая правила в мелочах, они говорят окружающим: смотрите, какой я независимый, как мне наплевать на общепринятые правила, они не понимают, что на самом деле они только подчеркивают правила.

Из без малого сотни окружающих меня людей лишь единицы имеют по-настоящему вызывающий облик, и один из них – Уриэль. Сейчас он высок, плечист и светловолос, волосы широкими волнами ниспадают на плечи. В реальном мире считается, что длинные волосы – это прерогатива женщин, но черты лица Уриэля не позволяют заподозрить его в женоподобности. Нет, они не грубые, они просто очень мужественные, не понимаю, как Уриэль добился такого эффекта, но он его добился. Уриэль одет в черные рубашку и штаны из тонко выделанной мешковины, которую аборигены реального мира называют «джинса», бедра Уриэля облегает черный кожаный ремень, усеянный серебряными бляшками очень изящной работы. Бот при входе в забегаловку не пускает внутрь посетителей без галстуков, но мы с Уриэлем полностью контролируем сервер, и этот запрет нас не касается, а вот людям, задумавшимся, как этот лохоточный хлыщ сумел проникнуть сюда в таком наряде, облик Уриэля скажет многое.

Люди реального мира, попадая в Междусетье, сами вы-

бирают свою внешность. Некоторые выглядят в Междусетье точно так же, как и в реальности. Другие генерируют облик случайным образом, предварительно задав определенные ограничения. Кое-кто придает себе внешность известного человека, но над такими смеются и показывают на них пальцами. Редко кто может позволить себе оплатить труд хорошего художника и сделать себе такие лицо и тело, которые притягивают взгляд и не производят комичного впечатления. В Междусетье каждый может выглядеть богатым на первый неискушенный взгляд, но обмануть второй взгляд знающего человека гораздо труднее.

Уриэль спокойно сидел за столиком, углубившись в гору разложенных перед ним бумаг и не обращая никакого внимания на остывающий кофе. Обычно подобные бумаги придают обозримый облик сущностям, с помощью которых биржевые игроки продают и покупают акции различных предприятий, стараясь купить подешевле, а продать подороже. Но бумаги на коленях Уриэля – это именно бумаги, в них нет никакого глубокого смысла, они изображают именно то, чем кажутся, мы с Уриэлем не нуждаемся в том, чтобы смотреть на сущности через их искусственный облик, магическое зрение позволяет нам видеть вещи такими, какие они есть.

Перед моим магическим зрением вспыхнул сигнал, неяркий, но такой, который нельзя не заметить. Это не вспышка и не звонок, это именно магический сигнал, по-другому никак не скажешь. Один из многочисленных артефактов, кото-

рыми Уриэль утыкал этот мир, сообщил, что к нам приближается человек, который может представлять интерес.

Уриэль не пошевелился, не дернул лицом и даже не моргнул. Никто ничего не заметил, лишь я один уловил мысль, переданную без слов, чисто магическим образом.

Будь готов.

Я готов, — ответил я и отхлебнул кофе. В чашке осталось противной жижи еще на один глоток.

К чему я готов? Не знаю. Если говорить в общем, то ко всему, а если конкретно — ничего определенного от меня не требуется. Уриэль называет это подстраховкой, но я не понимаю, какая ему может быть польза от меня. Да, я не самый плохой маг, но Уриэль настолько опытнее меня, что наивно думать, будто я смогу ему чем-то помочь. Впрочем, всякое бывает...

Дверь открылась, и в кафе вошел человек, это не тот, кого мы ждем, это просто бот. Вообще-то ботам запрещен сюда доступ, и очень скоро, когда все столики окажутся занятыми, хозяин заведения обратит внимание на ничем не объяснимый наплыв посетителей, и все наши боты в мгновение ока дематериализуются. Но если все пройдет нормально, до этого дело не дойдет — когда нужный человек сядет за столик Уриэля, боты один за другим покинут помещение. Если нам повезет, никто не обратит на них внимания.

Серые людишки с непримечательной внешностью быстро оккупировали немногочисленные столики. Единственное

исключение в виде рыжеволосой красавицы в неприлично короткой юбке село рядом со мной. Девушка уставилась на меня влюбленными глазами, но ничего не сказала, ведь ей не нужно ничего говорить, ей нужно только показать, что этот столик занят.

А вот и наш клиент. Высокий и широкоплечий, настоящая гора мышц, такой мускулатуре позавидовал бы каждый второй орк. Неподвижное квадратное лицо, на голове короткая щеточка жестких волос неопределенного цвета – повстречай я такого человека на лесной дороге, потянулся бы не к мечу, а к боевым заклинаниям. А вот выражение лица подкачалось, как он ни пытается напустить на себя важность, и ему видно, что он здесь в первый раз.

Клиент растерянно оглянулся по сторонам, на мгновение мне показалось, что сейчас он развернется и уйдет, мое сердце произвольно сжалось. Но нет, нарочито уверенной походкой он направился к Уриэлю.

– Здесь не занято, уважаемый? – спросил незнакомец подчеркнуто резким и даже наглым голосом, который, очевидно, должен был замаскировать неуверенность в себе, такую непривычную для этого человека.

Уриэль поднял взгляд, неопределенно мотнул головой и снова углубился в бумаги. Точно в тот момент, когда клиент был готов сесть на стул безо всякого разрешения, Уриэль снова поднял голову и произнес, невыразительно, но доброжелательно:

– Садись, братан, о чем разговор, – и снова опустил взгляд в бумаги.

Перед братаном немедленно материализовалась чашка кофе, и он непроизвольно вздрогнул. Я усмехнулся про себя. А чего он здесь ждал, официанта? Нет, друг, это кафе самообслуживания. Официанты бывают только в платных заведениях, а эта забегаловка халявная. И не важно, что эта харчевня располагается в том же здании, что и не самая маленькая фондовая биржа, менеджеры, конечно, любят пускать пыль в глаза, но их показная доброта имеет пределы. Нет, официантов в бесплатных заведениях не бывает, таков порядок.

В кармане Уриэля что-то пискнуло, и Уриэль вытащил на свет железяку, похожую на артефакт, такую железяку обитатели реального мира называют «мобила». В Междусетье мобила не имеет никакого смысла, но люди так любят цепляться за нелепые символы... Можно говорить просто в пустоту, но большинство людей предпочитают, будучи в Междусетье, разговаривать с удаленным собеседником точно так же, как и в реальном мире.

– Да, – сказал Уриэль. – Это Уриэль. Да, тренд устойчивый. Нет, никаких сомнений. Слушай, я уже битый час тут колупаюсь, перепроверяю по десять раз... нет, отвечаю. За базар отвечаю. Сколько? Ну, миллионов шесть... а может, и девять. Да, огребем. Ну, четыре точно огребем. Добро. Ладно, бывай.

Уриэль засунул псевдомобилу в карман и вздохнул с чувством глубокого удовлетворения. Он доброжелательно взглянул на товарища по столику и вытащил из воздуха дымящуюся сигару. Горообразный мужчина вытаращил глаза и чуть-чуть приоткрыл рот, очевидно непроизвольно.

Ты переигрываешь.

Не волнуйся. Кто из нас изучал психологию, ты или я?

Мужчина рассеянно взглянул туда-сюда, избегая встретиться взглядом с Уриэлем, и вытащил свою мобилу. Вскоре стало ясно, что она не работает. Уриэль вздрогнул (по-моему, совершенно неестественно) и покопался в карманах.

– Извини, братан, – сказал он, – попробуй еще раз.

На этот раз мобила заработала, но братан говорил недолго. Как он ни пытался скрыть свои чувства, даже мне было ясно, что он заинтригован до глубины души и не уйдет отсюда, пока не разберется, что это за странный человек, с которым ему выпало повстречаться.

Заинтригованный мужчина полез в карман и вытащил на свет пачку сигарет и огромную зажигалку, на вид золотую. К нему немедленно подбежал бот и сообщил:

– Прошу прощения, уважаемый, но здесь не курят.

– А этот как же? – грозно спросил мужчина.

– Здесь не курят, уважаемый, – повторил бот.

– Это я уже слышал, ты, братан, лучше скажи, почему ему можно, а мне нельзя.

– Прошу прощения, но курить здесь нельзя.

Люди за соседними столиками начали улыбаться. Уриэль лениво процедил сквозь зубы:

– Убери сигареты, братан, не выставляй себя дураком. Это же бот, с ним бесполезно спорить. Они все тупые.

Уриэль щелкнул пальцами, и бот исчез. Уриэль протянул через стол руку для рукопожатия.

– Уриэль.

– Хаммер.

И рукопожатие состоялось.

– В первый раз здесь? – спросил Уриэль. Хаммер кивнул.

– Ничего, – обнадежил его Уриэль, – вначале здесь все кажется странным. Хочешь выпить чего-нибудь нормального?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.